

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 – 2025

издается с 2025 г.
выходит 4 раза в год
ISSN 3034-6541

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия

М.Б. Раренко – канд. филол. наук, главный редактор (ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник), *Н.М. Нестерова* – д-р филол. наук, заместитель главного редактора (Пермский национальный исследовательский политехнический университет, профессор), *И. Голушин* – канд. филол. наук (Высшая школа коммуникаций, Сербия, доцент), *И.А. Гусейнова* – д-р филол. наук (ФГБОУ ВО МГЛУ, доцент), *Е.А. Княжева* – канд. филол. наук (ФГБОУ ВО «Воронежский университет», доцент), *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, старший научный сотрудник), *О.В. Петрова* – канд. филол. наук (ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», профессор), *В.В. Сдобников* – д-р филол. наук (ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», доцент), *А.Л. Семенов* – д-р филол. наук (ФГБОУ ВО МГЛУ, профессор), *Л.И. Чович* – д-р филол. наук, д-р общественных наук (Панъевропейский университет, Республика Сербская, Босния и Герцеговина, профессор), *Г.Т. Хухуни* – д-р филол. наук (Государственный университет просвещения Министерства Просвещения РФ, профессор).

Ответственный секретарь –

М.Б. Раренко (ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник)

Ответственные за выпуск –

Е.О. Опарина (ИНИОН РАН, старший научный сотрудник),

М.Б. Раренко (ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник)

Журнал «Актуальные вопросы теории и практики перевода = Current Issues of Translation Theory and Practice» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/perevod/2025.02.00

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

CURRENT ISSUES OF TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 2 – 2025

**published since 2025
4 issues a year
ISSN 3034-6541**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board

M.B. Rarenko – PhD (Philology), Editor-in-Chief (INION RAN, Leading Researcher), *N.M. Nesterova* – Doctor of Philology, Deputy Editor-in-Chief (Perm National Research Polytechnic University, Professor), *I. Golushin* – PhD (Philology), (Higher School of Communications, Serbia, Associate Professor), *I.A. Guseynova* – Doctor of Philology (MGLU, Associate Professor), *E.A. Knyazheva* – PhD (Philology), (Voronezh State University, Associate Professor), *E.O. Oparina* – PhD (Philology), (INION RAN, Senior Researcher), *O.V. Petrova* – PhD (Philology), (Linguistics University of Nizhny Novgorod, Associate Professor), *V.V. Sdobnikov* – Doctor of Philology (Linguistics University of Nizhny Novgorod, Associate Professor), *A.L. Semenov* – Doctor of Philology, MSLU, Professor), *L.I. Covic* – Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences (Pan-European University, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina, Professor), *G.T. Khukhuni* – Doctor of Philology (State University of Education of the Ministry of Education, Russian Federation, Professor).

Executive Secretary –

M.B. Rarenko (INION RAN, Leading Researcher)

Responsible for the Issue –

E.O. Oparina (INION RAN, Senior Researcher),
M.B. Rarenko (INION RAN, Leading Researcher)

The scientific journal «Aktual'nye voprosy teorii i praktiki perevoda = Current Issues of Translation Theory and Practice» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/perevod/2025.02.00

ISSN 3034–6541

© INION RAN, 2025

Уважаемые читатели и авторы нашего журнала!

Мы рады представить вам второй номер журнала «Актуальные вопросы теории и практики перевода», который станет регулярным периодическим изданием (планируется 4 выпуска в год). К идее создать журнал, в котором теоретики и практики перевода могли бы поделиться своими размышлениями о трудностях перевода и тем, как их преодолевать, мы шли довольно долго. Сегодня перевод стал явлением настолько масштабным, что охватить и представить все виды перевода, все ситуации перевода становится все труднее. В связи с этим и возникла идея о создании специализированного журнала как платформы для встречи на страницах журнала как тех, кто профессионально занимается изучением перевода как сложнейшего вида речемыслительной и коммуникативной деятельности, так и для профессиональных переводчиков, а также тех, кто вовлечен в процесс подготовки будущих переводчиков.

Требования к публикациям и оформлению статей изложены в конце этого номера, а также на сайте журнала.

Коллектив редакции журнала будет рад получить предложения и пожелания относительно содержания журнала. Надеемся, что журнал объединит наши общие усилия, станет площадкой для плодотворного сотрудничества – обсуждения разных аспектов перевода.

Ваши предложения и статьи ждем по адресу:

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 117418, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, каб. 202, 207, Отдел языкознания ИНИОН РАН

E-mail редакции: linguistics-inion@yandex.ru

Сайт журнала: translation-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

<i>Абрамова Е.И.</i> Лингвокультурологический анализ перевода фитонимов в пьесе Шекспира «Гамлет»	9
--	---

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

<i>Семёнов А.Л.</i> Перевод: вертикальный контекст – средство передачи смысла в художественном произведении.....	19
<i>Голушин И., Филипович С.</i> Особенности работы судебного переводчика в Сербии	28
<i>Новикова Э.Ю., Новожилова А.А., Гуреева А.А.</i> Урбанонимы как переводческая проблема: факторы вариативности.....	40

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

<i>Бразговская Е.Е.</i> Межсемиотический перевод как инструмент актуализации абстракций	50
--	----

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

<i>Епарина Е.С.</i> XVI Международная научно-практическая конференция «Перевод. Язык. Культура» (15–17 мая 2025 г., Санкт-Петербург) [Сообщение о научном событии]	65
Требования к авторам и оформлению статей.....	70

CONTENTS

FICTION IN THE MIRROR OF TRANSLATION

<i>Abramova E.I.</i> Linguocultural Analysis of the Translation of Phytonyms in W. Shakespeare’s “Hamlet”.....	9
---	---

PRAGMATIC ISSUES OF TRANSLATION

<i>Semenov A.L.</i> Translation: Vertical Context as a Means of Conveying Sense in a Work of Fiction	19
<i>Golushin I., Filipovich S.</i> On Specific Professional Work of Court Interpreters in Serbia.....	28
<i>Novikova E.Yu., Novozhilova A.A., Gureeva A.A.</i> Urbanonyms as a Translation Problem: Variability Factors	40

INTERSEMIOTIC TRANSLATION

<i>Brazgovskaya E.E.</i> Intersemiotic Translation as a Tool for Actualization of Abstractions	50
---	----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Eparinova E.S.</i> The XVIth International Scientific Conference «TRANSLATION. LANGUAGE. CULTURE» (May, 15–17, 2025, Saint-Peterburg) [A Report on a Scientific Event]	65
Requirements for the Authors and Their Articles	70

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

FICTION IN THE MIRROR OF TRANSLATION

УДК 81–119

DOI: 10.31249/perevod/2025.02.01

АБРАМОВА Е.И.*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ФИТОНИМОВ В ПЬЕСЕ ШЕКСПИРА «ГАМЛЕТ»

Аннотация. Проведен анализ русскоязычных переводов фитонимов из произведения Шекспира «Гамлет», выполненных шестью переводчиками в период с 1844 по 2008 год, на предмет способов сохранения их культурного потенциала. Выявлены следующие способы: тождественный перевод эквивалентной лексики, генерализация, калькирование, лексическая замена как компенсация, опущения. Обнаружено, что переводчики в целом старались сохранить культурный символизм, учитывая также рифму, слоговую структуру слова, размер и ударение.

Ключевые слова: перевод; фитоним; Шекспир; цветочная символика; Офелия.

Для цитирования: Абрамова Е.И. Лингвокультурологический анализ перевода фитонимов в пьесе Шекспира «Гамлет» // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 2. – С. 9–18. – DOI: 10.31249/perevod/2025.02.01

ABRAMOVA E.I.**

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF THE TRANSLATION OF PHYTONYMS IN SHAKESPEARE'S "HAMLET"

Abstract. The paper analyses the Russian translations of phytonyms from Shakespeare's Hamlet, made by 6 translators in the period 1844–2008, with the objective to preserve their cultural potential. The author identified the following methods: identical translation of equivalent vocabulary, generalization, calque, lexical substitution as compensation, omissions. The paper argues that the translators generally tried to preserve cultural symbolism, also considering the rhyme, syllabic structure, meter and stress.

* **Абрамова Елена Ивановна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Государственный университет просвещения; abramel@mail.ru
© Абрамова Е.И., 2025

** **Abramova E.I.** – PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology, State Federal University of Education; abramel@mail.ru

Keywords: translation; phytonym; Shakespeare; floristic symbolism; Ophelia.

For citation: Abramova E.I. Linguocultural Analysis of the Translation of Phytonyms in Shakespeare's "Hamlet" // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – № 2. – P. 9–18. DOI: 10.31249/perevod/2025.02.01

Введение

Фитонимы в художественном произведении не только помогают визуализировать место действия, но и создают атмосферу, имплицитно передают чувства, состояния и переживания персонажей, формируют систему культурно-обусловленных символов произведения. Одной из проблем передачи фитонимов на другой язык в художественном произведении является сохранение их культурного символизма. Культурный символизм многогранен: некоторые символичные функции являются общечеловеческими, другие берут корни в общехристианских представлениях, третьи обусловлены национально. Если в произведении автор не «эксплуатирует» их культурный потенциал, перевод не составляет большой проблемы. Однако в большинстве случаев фитоним создает национально-культурную атмосферу повествования, обусловленную природно-географическими и социально-историческими причинами, что является вызовом для адекватного перевода. Также проблемой передачи фитонимов на другой язык в художественном произведении может быть то, что референты, присутствующие в опыте носителя языка-источника и носителя языка-перевода, различаются, например по цвету, форме, размеру или видовой разновидности. Дополнительная сложность для переводчика возникает при переводе поэтических текстов, где необходимо соблюсти рифму, слоговую структуру и ударение в фитониме, налагаемые поэтическим жанром. Этот комплекс задач переводчики решают по-разному, и зачастую переводческое решение зависит от исторического периода, в котором живет переводчик, от периода, в котором жил автор оригинального текста, и от изображаемого периода.

Растения, включая цветы и деревья, неизменно являются частью природного и культурного мира человека: они дают пищу, лекарства, материал для одежды и жилища, вызывают определенные эмоции своим внешним видом и запахом, следовательно, всегда присутствуют в повседневной жизни человека. Фитоним обозначает не только физический ботанический объект, но и культурно обусловленное явление. Выявлено, что фитонимы как элементы культурного кода актуализируют положительные и отрицательные коннотации человека [Мягкова, 2017, с. 6] или символизируют его состояния, чувства, процессы. Фитоним как языковой знак участвует в передаче религиозных, символических, эстетических и мифологических представлений [Особенности перевода фитонимов, 2020, с. 327]. Таким образом, сами растения и фитонимы, обозначающие их, обладают

широким ассоциативным потенциалом [Писарская, 2017, с. 90]. Интерпретация конкретных образов, созданных фитонимами, позволяет реконструировать культурные и национальные особенности народа с достаточной полнотой и точностью, модели мировоззрения определенного языкового коллектива, т.е. языковой картины мира. Перевод в этом случае выступает как поиск лингвокультурной эквивалентности, под которой понимается восприятие перевода представителем инокультуры, максимально приближенное к восприятию оригинала представителем исходной культуры [Евтеев, 2008, с. 62]. Задача переводчика – интерпретировать культурный смысл, заложенный в фитонимах, и подобрать эквивалент, максимально передающий денотативное и коннотативное значение переводимой единицы.

Методы и принципы исследования

Таким образом, целью представленной статьи является анализ русскоязычных переводов фитонимов из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет» на предмет исследования способов сохранения их культурного потенциала. Объектом изучения являются переводные единицы-фитонимы. При анализе лингвокультурного содержания фитонимов была рассмотрена лингвокультурная ситуация времени написания произведения, исследована лексическая группа фитонимов, встречающихся в произведении, символическая функция растений в соответствующий культурно-исторический период, сопоставлены растения, обозначенные фитонимами, их ботанические виды и описания, исследован полученный корпус в переводческом аспекте и описаны переводческие решения.

Обсуждение

Материалом сравнительного анализа способов перевода фитонимов послужили два отрывка из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет» с фитонимическим дискурсом. Проводится сопоставление оригинала с переводами, выполненными Андреем Кронебергом (1844), Петром Гнедичем (1892), Михаилом Лозинским (1933), Анной Радловой (1937), Борисом Пастернаком (1941) и Алексеем Цветковым (2008).

При анализе культурного смысла растений мы исходим из положения о культурной, исторической и географической обусловленности представлений. Особенности климата и ландшафта определили специфику употребления фитонимов носителями разных лингвокультур [Холомеев, 2023, с. 74], поэтому вторичное значение фитонимов может не совпадать, особенно в значительно различающихся культурах. Отметим, что русская и английская лингвокультуры имеют европейскую и христианскую общность, но

разные конфессиональную принадлежность, культурно-историческое развитие и сформировались в разных природно-географических условиях.

Для понимания культурного фитонимического кода того периода необходимо рассмотреть елизаветинскую эпоху. В XVI веке в Англии, во времена правления Елизаветы I, когда начинался творческий путь Шекспира, отмечалось ботаническое возрождение: появился и развился интерес к растениям и садам, открывались рынки семян и растений, завозились новые растения из других стран и континентов, были заложены общественные и частные ботанические сады, выпускалась литература по садоводству [Thomas, 2014, p. 20]. Отражение ботанического возрождения Англии в произведениях Шекспира наблюдается, когда драматург обращается к физической сущности растения, его внешнему виду, возрасту, качеству и применению. Шекспир развивает концептуальный образ растения, его символизм, уходящий корнями в британский и европейский фольклор и мифологию, в том числе в предания родного графства Уорикшир [Абрамова, 2021, с. 36]. Таким образом, Шекспир, вслед за Чосером, становится одним из основоположников флористической традиции в литературе [Соснина, 2019, с. 157], активно используя символику цветов. При переводе фитонима в произведениях Шекспира необходимо принимать во внимание оба положения: во-первых, физическую сущность растения, например цвет или размер растения как важный элемент развития сюжета, во-вторых, культурный образ растения.

В первом исследуемом нами отрывке Офелия, прощаясь с другими персонажами, раздает им цветы, руководствуясь своими отношениями с персонажем и символизмом цветов. Символизм растений имел большое значение для Шекспира, поскольку через выбор растений передавались дополнительные смыслы читателю-современнику. Цветочная символика дает возможность увеличить трагический потенциал пьесы [Васильева, 2023, с. 124]. Рассмотрим переводы фитонимов, которые обозначают следующие растения: *rosemary, pansies, fennel, columbines, rue, herb-grace o' Sundays, daisy, violets*.

Розмарин является специей, нетипичной для Англии того периода. Исследования показывают его благотворное влияние на когнитивные навыки, в том числе на память. Именно об этом говорит Офелия, что, видимо, было уже известно в те времена. Розмарин сохранен во всех исследуемых переводах, кроме перевода Кронеберга, который использовал фитоним «незабудка», указывающий на память, при этом вместо садового растения Кронеберг обратился к дикорастущему.

Английский фитоним *pansy* происходит от французского слова *pensée* – «думать». Этот цветок дарит Офелия своему брату Лаэрту. Гнедич, Пастернак и Цветков использовали фитоним «анютины глазки». В русской культуре «анютины глазки», или «фиалка» также связаны с раздумчивостью, поскольку напоминают по своей физической форме склонившуюся в раздумьях человеческую голову. Интересно отметить, что есть

еще одно русское народное название цветка – «брат-и-сестра», которое можно соотнести с Офелией и Лазртом. Лозинский использовал в переводе фитоним «троицын свет», который также обозначает вид фиалки. В переводе Радловой используется фитоним «бархатцы». В русской лингвокультуре нет определенного символизма бархатцев, однако в некоторых других культурах бархатцы имеют ассоциацию с воспоминаниями и памятью, что позволяет их сопоставить с розмарином. В монологе Офелии цветы выполняют символьную функцию, поэтому читателю важен символизм, а не конкретный вид. Кронеберг использовал фитоним «павилика» / «повилика», обозначающий род сорняка и символизирующий разлад в межличностных отношениях. При этом переводчик вводит другой символизм этого растения – верность, который в целом ложится в канву сюжета.

Фитоним *fennel* переведен как «укроп» четырьмя переводчиками. В елизаветинскую эпоху укроп стал популярным в Англии как приправа и медицинское средство. Цветков в переводе использовал слово «фенхель», который при обратном переводе на английский язык был бы обозначен как *medicinal fennel*. Кронеберг использовал фитоним «хмель», обозначающий другое растение, однако, как и укроп, хмель применяется в пищевых и медицинских целях и способен воздействовать на поведение человека, поэтому лексема «хмель» ассоциируется с измененным сознанием под воздействием этого растения, что является аллюзией на состояние Офелии.

Фитоним *columbines* переводится как «водосбор» Пастернаком и Цветковым, Лозинский же использовал другое название этого растения – «голубка». Еще одно название этого растения – «колокол» – возможно, стало причиной использования фитонима «колокольчик» в переводе Гнедича и Радловой. К тому же водосбор, голубка, колокольчик и василек (фитоним Кронеберга) имеют одинаковый цветовой спектр, похожи по размеру и являются дикорастущими, тем самым они создают сходный образ в восприятии читателя. В английской садовой культуре водосбор является одним из наиболее распространенных растений.

Офелия называет растение *rue* (рута) *herb-grace o'Sundays*, поскольку из-за ее пахучести она использовалась на воскресных церковных службах. Горький запах руты символизирует греховность и необходимость покаяния. Рута не произрастает в диком виде в средней полосе России. Четыре переводчика использовали фитоним «рута». Полынь (фитоним у Кронеберга) также является пахучим и горьким растением. Пастернак приводит другое название руты *herb-grace o'Sundays* как «богородицына трава», однако такой травой называют в русской культуре несколько разных растений, в том числе ароматный тимьян, но не руту. Лозинский использовал синоним «травка благодати», что является другим названием руты в русском языке. Гнедич, Радлова и Цветков использовали кальку «травка воскресной благодати» и «благодатная травка воскресенья», что не связано с русской культурой, но свидетельствует об особенностях английской культуры. Традиционно рута и розмарин являются атрибутом Парада

лорда мэра (Lord Mayor's Parade) в Лондоне, поскольку ранее их использовали для профилактики чумы.

Переводчики единодушны в передаче фитонима *daisy* – «ромашка», или «маргаритка». При этом важно заметить, что «букет» Офелии получил вольную трактовку в переводе Кронеберга. Фитоним *violet* при переводе на русский язык был передан как «фиалка».

В литературе подробно анализируется набор растений, который сопровождает смерть Офелии, о чем рассказывает Гертруда. Рассмотрены переводы следующих фитонимов (в современном написании): *willow*, *crow-flower*, *nettle*, *daisy*, *dead man's finger*. Эти цветы составляют «культурный» букет как единое целое, и поскольку они связаны со смертью молодой женщины, вызванной поведением любимого, комплекс акцентирует в каждом компоненте эти символичные функции. Все цветы являются полевыми и дикорастущими, что также представляется важным фактором. В современной культуре идея «букета» Офелии получила развитие благодаря художнику-прерафаэлиту Джону Милле, который внес дополнительные цветы, и тем самым смыслы, в смерть Офелии, что придает разнородную интерпретацию ее образу и поведению. Однако это не имеет отношения к творчеству Шекспира, который включил в букет четыре цветка и иву как главный символ смерти и страданий Офелии и как «зонтичный» символ для букета, придав каждому цветку трагический подтекст в общем комплексе.

Willow – ‘ива’, ‘верба’, ‘ракита’ – в английской лингвокультуре является символом печали отвергнутой любимой или потерявшей любимого девушки, а вода, над которой склоняется ива, символизирует слезы. Наиболее известны два обращения к иве в произведениях Шекспира, где автор трактует ее символический образ одинаково как дерева печали и траура, страданий женщины: Дездемона перед смертью поет песню об иве, имплицитно сообщая о намерении покончить с собой, а Офелия находит свою смерть в ручье, над которым свисает ива. В Англии и России численность популяции ивы, предпочитающей влажные места обитания, очень высокая, что обусловлено климатом обеих стран. Еще в XVII в. англичане заметили, что ива всегда растет около воды, ветви ее склонены к воде, как в печали, а корни всегда выбирают влажную почву. В «Гамлете» использование образа ивы обусловлено сюжетом, в котором можно обнаружить существовавшие в то время представления о судьбе преданной или брошенной возлюбленной. Фитоним *willow* во всех исследуемых переводах передан эквивалентом «ива», что является результатом общности географических условий. Ива распространена в Северном полушарии и, несмотря на различающиеся виды, узнаваема ботанически и культурно в североевропейской культуре.

Также в пяти исследуемых переводах (Гнедич, Пастернак, Лозинский, Радлова, Цветков) фитоним *nettle* передан как «крапива». Обжигаю-

щая боль крапивы сравнивается с болью, причиненной Гамлетом. Переводчик Кронеберг опустил этот фитоним в своем переводе.

Наибольший диапазон интерпретаций наблюдается в переводе фитонима *crowflower*. Этот розовый цветок растет в болотистых и влажных местах и известен в английской культуре также как *ragged robin* («кукушкин цвет»). На русский язык его можно перевести «короставник» или «горицвет». Символизм смерти содержится в первом компоненте сложного слова *crow* – «ворона». Этот же корень есть в фитониме *crowfoot* «лютик» (одно из названий), получившем название по сходству расположения лепестков, напоминающих лапу вороны. В результате три переводчика (Гнедич, Пастернак и Лозинский) использовали фитоним «лютик». В переводе Анны Радловой фитоним заменен обобщающим «трава». В переводах Цветкова и Кронеберга не удалось выявить соответствия.

Фитоним *daisies* (современное написание *daisy*) «маргаритка» переведен как «ромашка». Эти цветки относятся к одному семейству, однако ромашка выше и выглядит более легкой. Маргаритка более пушистая, как астра, и не имеет листьев. Интерпретация маргаритки как ромашки обнаружена в двух переводах (Гнедич, Радлова), что можно объяснить более распространенным и узнаваемым образом ромашки, нежели маргаритки в русской лингвокультуре.

Цветок, обозначенный Шекспиром как *dead mens fingers*, переведен как «ногти мертвеца» (Пастернак), «перст покойника» (Гнедич), «перст умерших» (Лозинский), «палец мертвеца» (Радлова), «клубень» (Цветков). В четырех переводах использована калька, в том числе с устаревшим словом «перст», которое придает тексту определенную атмосферу. Русский термин для этого вида растения «ятрышник» не был использован ни в одном переводе. Однако важно отметить, что название «палец мертвеца» в русском языке относится также к названию гриба. В переводе Цветкова использовано слово «клубень», что отсылает к форме элемента соцветия ятрышника, который является клубневым растением. Лозинский использовал еще одно название этого цветка – «орхидея», поскольку ятрышник относится к растениям семейства орхидных. Однако термин «орхидея» не ассоциируется с дикорастущими цветами.

В целом в переводе Пастернака «букет» выдержан почти в полной мере (ива, лютик, крапива). Однако стоит остановиться на фитониме «купава» как диалектном от «купальница». Пастернак использовал диалектный вариант как более краткий и удобный в переводе, но отсылающий к слову «купальница». Купальница, имеющая желтый цвет, также относится к семейству лютиковых (ср. *cornflower*), является растением дикорастущим и растет во влажных местах, что вписывается в канву места сцены. Купальница не обладает ярко выраженным символизмом в славянской культуре, однако по многим параметрам вписывается в «букет» Офелии.

Остановимся на ирисе, введенным в букет Лозинским. Отметим, что ирис (*iris*) не является полевым цветком в английском букете, а сам фито-

ним является заимствованным в обоих языках. В русском языке до XIX века использовался народный термин «касатик». Выбор фитонима «ирис» для перевода, вероятно, обусловлен формой слова, удобной для переводчика.

В переводе Анны Радловой отсутствует эквивалент слова *crowflower*, но присутствует слово «трава». В этом случае используется прием генерализации, при котором культурная составляющая фитонима теряется. В переводе Цветкова используется слово «одуванчик». Одуванчик в русской культуре обычно ложно ассоциируется с мать-и-мачехой, из которой традиционно плетется девушками венок. Одуванчик как дикорастущее растение по своей ассоциации и физическому виду вписывается в букет. Отметим, что поскольку все цветы соединены в венок или гирлянду, они должны иметь достаточно длинный стебель, которым и обладает одуванчик.

Выводы

Завершая анализ перевода фитонимов как обозначающих компоненты букетов Офелии, перечислим следующие способы их передачи на русский язык: тождественный перевод эквивалентной лексики, генерализация, калькирование, лексическая замена как компенсация, опущения. Переводчики в целом старались сохранить культурный символизм компонентов «букета», его общий вид, наполнение как естественное сочетание дикорастущих цветов. В некоторых случаях символизм растения совпадает в двух лингвокультурах, при несовпадении символизм выводится из успешно переведенного на русский язык текста, и читатель извлекает смыслы через интерпретацию всего контекста. В этом плане наиболее далеким от оригинала представляется перевод Кронеберга, который позволил себе интерпретировать букет, сохранив лишь один из компонентов и заменив три (роза, лилия, жасмин), и в тексте которого букет представляется более садовым, чем дикорастущим. Во всех случаях переводчики руководствовались также слоговой структурой слова, размером и ударением. Таким образом, несмотря на то, что фитоним как наименование ботанического вида не является примером безэквивалентной лексики, к его переводу в художественном произведении необходимо подходить с учетом степени соотношения лингвокультур, архитектоники произведения и его аутентичности.

Список литературы

- Абрамова Е.И. Деревья и дендронимы в британской лингвокультуре: монография. – Москва : ИИУ МГОУ, 2021. – 152 с.
- Васильева Е.В. Цветочная символика в трагедии У. Шекспира «Гамлет» // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания: материалы Всерос-

- сийского научно-практического Форума / под редакцией Г.А. Заварзиной. – Воронеж, 2023. – С. 126–128.
- Евтеев С.В. Интеркультура и перевод: (лингвокультурологическая модель перевода) // Ментальность. Коммуникация. Перевод: сб. статей памяти Федора Михайловича Березина (1931–2003) / Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред. и сост. канд. филол. наук Раренко М.Б. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), 2008. – С. 51–64. – (Теория и история языкознания).
- Мягкова А.М. Культурный код как реализация метафорической модели вторичной номинации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-kak-realizatsiya-metaforicheskoy-modeli-vtorichnoy-nominatsii/viewer> (дата обращения: 17.02.2025).
- Особенности перевода фитонимов: (на примере изучения дисциплины «иностранный язык» в неязыковых вузах по специальности «фармация») / Чаплыгина О.В., Грибова Н.С., Довгер О.П., Лопата К.М. // *Baltic Humanitarian Journal*. – 2020. – Т. 9, № 1 (30). – С. 326–328.
- Писарская Т.Р., Якименко Н.Е. Паремии с компонентом-фитонимом как объект лингвокультурологического описания // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: XXVII Международная научно-практическая конференция. 23–24 июня 2017 года: сборник научных статей / под общей ред. М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2017. – С. 88–92.
- Соснина О.С., Варламова Н.В. Фитоним «роза» в английской поэзии и особенности его перевода на русский язык // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием, 19–24 ноября 2018 г. – Санкт-Петербург : Политех-пресс, 2019. – Ч. 1. – С. 156–159.
- Холомеенко О.М., Туник А.И. Фитоморфный культурный код: средства представления в текстах современной художественной литературы // *Отечественная филология*. – 2023. – № 3. – С. 70–81.
- Thomas V., Faircloth N. *Shakespeare's Plants and Gardens: A Dictionary*. – London : Bloomsbury Publishing, 2014. – 432 p.

References

- Abramova E.I. *Trees and Dendronyms in British Linguoculture*. Moscow: IPU MGOU, 2021. 152 p. (In Russian)
- Vasil'eva E.V. *Floristic Symbolism in Shakespeare's Tragedy "Hamlet"*. In: *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnykh nauk i metodiki ih prepodavaniya: Materialy Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo Foruma / pod redakciej G.A. Zavarzinoj*. Voronezh, 2023. Pp. 126–128. (In Russian)
- Evteev S.V. *Interculture and Translation: (Linguocultural Model of Translation)*. In: *Mental'nost'. Kommunikaciya. Perevod: Sb. statej pamyati Fedora Mihajlovicha Berезina (1931–2003)*. Ser. «Teoriya i istoriya yazykoznanija»; Centr gumanit. nauch.-inform. issled.; Otd. Yazykoznanija; Otv. red. i sost. kand. filol. nauk Rarenko M.B. Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam (INION RAN). Moscow, 2008. Pp. 51–64. (In Russian)
- Myagkova A.M. *Cultural Code as Implementation of Secondary Nomination Metaphorical Model*. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)*. 2017. N 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-kak-realizatsiya-metaforicheskoy-modeli-vtorichnoy-nominatsii/viewer> (assessed: 17.02.2025). (In Russian)
- Peculiarities of the Translation of Phytonyms: (The Case of Studying the Subject "Foreign Language" in Non-Linguistic Universities Majoring in Pharmacy)* / Chaplygina O.V., Gribova N.S.,

- Dovger O.P., Lopata K.M. In: Baltic Humanitarian Journal. 2020. T. 9, N 1 (30). Pp. 326–328. (In Russian)
- Pisarskaya T.R., Yakimenko N.E. *Proverbs with Phytonymic Component as an Object of Linguocultural Description*. In: Novoe v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannyh i russkogo yazykov; XXVII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. 23–24 iyunya 2017 goda: sbornik nauchnyh statej / pod obshej red. M.V. Pimenovoj. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 2017. Pp. 88–92. (In Russian)
- Sosnina O.S., Varlamova N.V. *The Phytonym “Rose” in English Poetry and the Peculiarities of Its Translation Into Russian*. In: Nedelya nauki SPbPU: materialy nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, 19–24 noyabrya 2018 g. Ch. 1. Saint Petersburg: Politekh-press, 2019. Pp. 156–159. (In Russian)
- Holomeenko O.M., Tunik A.I. *Phytomorphic Cultural Code: Means of Representation in Modern Fiction Texts*. In: Otechestvennaya filologiya. 2023. N 3. Pp. 70–81. (In Russian)
- Thomas V., Faircloth N. *Shakespeare's Plants and Gardens: A Dictionary*. London: Bloomsbury Publishing, 2014. 432 p.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

PRAGMATIC ISSUES OF TRANSLATION

УДК: 81

DOI: 10.31249/perevod/2025.02.02

СЕМЁНОВ А.Л.*

ПЕРЕВОД: ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ – СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация. Изначально рассмотренная О.С. Ахмановой как филологическое понятие теория вертикального контекста оказалась эффективной в процессах анализа и перевода художественных произведений. Мы используем термин «контекстуализация» в переводоведении вслед за Эдвардом Холлом и исследуем контекст как средство передачи смысла при переводе художественного произведения. В процессе перевода между языками с асимметричным контекстом интерпретация смысла достигается за счет когнитивного перевода контекста. Перевод в значительной степени адаптируется общими знаниями автора, его читателя и переводчика, которые называются пресуппозициями – термином, заимствованным нами из прагматики. В нашем переводоведческом понимании пресуппозиции – это общие или фоновые знания о языке и мире, они гораздо шире, чем слова и умозаключения в романе, и они извлекаются только из контекста. Задачи статьи – разработать способ перевода вертикального контекста как гипертекста с помощью эксплицитного перевода или трансфера.

Ключевые слова: вертикальный контекст; контекстуализация; пресуппозиция; фоновые знания; перевод.

Для цитирования: Семёнов А.Л. Перевод: вертикальный контекст – средство передачи смысла в художественном произведении // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 2. – С. 19–27. – DOI: 10.31249/perevod/2025.02.02

* Семёнов Аркадий Львович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Московского государственного лингвистического университета; arksem@gmail.com

© Семенов А.Л., 2025

SEMENOV A.L.*

TRANSLATION: VERTICAL CONTEXT AS A MEANS OF CONVEYING SENSE IN A WORK OF FICTION

Abstract. Initially being worked out as a philological means, the theory of vertical context proved to be useful for analyzing and translating the works of fiction. We use the term “contexting” as it was explained by Edward Hall but in the field of translation science we investigate context as a means of conveying sense when translating the work of fiction. In the process of translation between the languages with asymmetrical contexting the sense interpretation is achieved through the cognitive translation of the context. Translation is facilitated to a great extent by an author’s, his reader’s and by a translator’s common knowledge called presuppositions as to be a term borrowed from pragmatics. Presuppositions stand for shared or background knowledge about the language and the world, and they are much broader than the words and inferences in a novel. They are elicited from the context only. The paper’s objectives are to give the way how to translate the vertical context as a hypertext by means of explicit translation or transfer.

Keywords: vertical context; contexting; presupposition; common knowledge; translation.

For citation: Semenov A.L. Translation: Vertical Context as a Means of Conveying Sense in a Work of Fiction // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 2. – P. 19–27. DOI: 10.31249/perevod/2025.02.02

Введение

Одним из основных факторов при определении качества перевода является его полнота. Это всеобъемлющий, а поэтому универсальный фактор. Универсальность этого фактора подходит для характеристики качества любого вида перевода. Мы следуем классификации видов письменного перевода, предложенной В.Н. Комиссаровым: художественный перевод и информационный, или специальный, перевод [Комиссаров, 1990, с. 95]. Принимая компактность и логическую завершенность такой классификации, следует исходить из широкой трактовки специального вида перевода, к которому, как известно, В.Н. Комиссаров относил перевод даже некоторых литературных текстов.

Наш практический опыт выработки стратегии перевода подсказывает необходимость более глубокого проникновения в жанрово-стилистические особенности переводимого текста, которые определяют меру контекстуальности переводимого текста. Термин «контекстуальность» изначально принадлежит теории межкультурной коммуникации и был введен американским антропологом Эдвардом Холлом. Но даже содержательная структура самого термина напрямую связана с текстовой деятельностью и вполне может быть распространена на понимание и анализ текстов, тем более что

* Semenov A.L. – Doctor of Philology, Professor, Profeccor of Translation Theory and Practice of the English Language Chair, MSLU; arksem@gmail.com

в процессе перевода идет сравнение текстов на разных языках, что сродни сравнению культур.

Контекстуальность может быть обусловлена фактором принадлежности текста к той или иной предметной области. Минимальной контекстуальностью обладают, например, описания изобретений к патентам. Даже незначительная многозначность в описании изобретения может дать повод для оспаривания авторского права. Такие тексты практически лишены какого-либо контекста. А любой поэтический текст невозможен без контекста. Высокая контекстуальность – это, пожалуй, отличительная характеристика художественного текста. Полнота перевода художественного текста включает в себя полноту перевода его контекста с использованием адекватных выразительных средств языка перевода. Перевод контекста художественно-го произведения является органической частью переводного произведения.

Исследование

Лингвистическая ситуация, окружающая языковую единицу в тексте – слово, словосочетание, фразеологизм, – создает основания для уточнения смысла этой единицы. Эти основания и есть контекст, уточняющий и определяющий смысл, который развивается линейно вдоль лингвистического построения текста. Так построены тексты с невысокой контекстуальностью. Но совершенно иначе воспринимаются тексты с высокой контекстуальностью, в которых используются такие языковые единицы, как например, метафоры, аллюзии, или просто культурологические реалии. В таких ситуациях лингвистические характеристики не дают полной содержательной информации. Требуется дополнительная информация, требуется гипертекст – то, что поставил темой своего выступления Умберто Эко на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 20 мая 1998 г. Высококонтекстуальный текст представляет собой совокупность переплетенных сведений, создающую единый многогранный смысл. Если лингвистический контекст линейно сопровождает текст по мере развития его сюжета, то эпизодически могут возникать дополнительные сюжетные вкрапления, не нарушающие текст, но несущие информацию, которая дополняет, развивает или уточняет содержание текста.

В конце своего выступления в МГУ им. М.В. Ломоносова Умберто Эко в качестве примера упомянул о возможности гипертекстуального перестроения окончания романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Мы же обратимся к самому началу этого романа – к описанию активной деятельности Анны Павловны Шерер. Она устраивала вечер «у себя», и «в записочках, разосланных утром с красным лакеем, было написано без различия во всех...»¹. За двумя словами «красный лакей» в современной интерпрета-

¹ https://tolstoy.ru/upload/iblock/801/09_tom.pdf

ции стоит гипертекст с чрезвычайно важной информацией. Это оценка уровня проводимого Анной Павловной вечернего благородного собрания. Будучи фрейлиной и приближенной императрицы Марии Федоровны, Анна Павловна использовала в качестве посылного «красного» – т.е. дворцового лакея. Таким образом она давала всем понять, какого уровня вечер она устраивает.

Упоминание лакея несет в себе контекст, обладающий достаточно важной информацией, которую читатель воспринимает как дополнительную социальную характеристику. Но это особый контекст, который нельзя охарактеризовать в лингвистических терминах. На наш взгляд, это особый вертикальный контекст.

Понятие вертикального контекста в художественном произведении было введено в начале 70-х годов прошлого столетия О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет [Ахманова, Гюббенет, 1977, с. 47], но в переводоведении оно функционирует в интерпретации Л.Б. Полубиченко, поскольку в ее определении подчеркивается акцент на содержании в контексте общекультурной информации, которая может быть выражена множеством художественных стилистических приемов [Полубиченко, 1979, с. 1].

Функционирование вертикального контекста Л.В. Полубиченко рассматривает на примере анализа вертикальных контекстов в поэзии эпохи Просвещения с позиций интерпретации поэтических произведений выразительными средствами другого языка.

В нашем практическом переводческом опыте вполне очевидно, что вертикальный контекст имеет особое значение и становится проблемой недопередачи смысла переводимого произведения. Еще дополнительное значение имеет соотношение языка оригинала и языка перевода. Нами проанализированы переводы «Войны и мира» на английский, французский и японский языки. В беседах с читателями этих переводов выяснилось, что у читавших роман на европейских языках (имеется в виду сюжет с «записочками» Анны Павловны Шерер) акцент Л.Н. Толстого на «красном лакее» не вызвал никаких вопросов. Они не получили дополнительную информацию, заложенную автором, поскольку она была воспринята линейно в привычном развитии сюжета, как развиваются привычные сцены жизни. Вспомним, например, яркую эпизодическую роль лакея в фильме «Красотка» (Pretty Woman) Гарри Маршалла с Ричардом Гиром и Джулией Робертс: он был одет в яркую красную униформу, которая тоже как будто играла дополнительную декоративную и очень характерную, но обычную для европейской культуры роль. В более высококонтекстной японской культуре цвет одежды лакея привлек внимание читателей. Но в переводе на японский язык вертикальный контекст потерялся, потерялась совокупность социальных сигналов, которые дал автор. И в результате этот фрагмент перевода можно считать неполным. Для сохранения полноты содержания вертикальный контекст в данном случае можно было бы передать эксплицитно, например «с лакеем императрицы».

Рассматривая модель вертикального контекста, О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет подчеркивают роль «фонового знания» как в процессе передачи, так и в процессе понимания смысла, заложенного в языковую единицу, несущую в себе вертикальный контекст [Ахманова, Гюббенет, 1977, с. 48]. Далее, на примерах из журнальной публицистики делается вывод о том, что, например, «в английском языке большое значение для правильного восприятия имеют, в частности, фоновые различия в области употребления различных форм обращения к собеседнику» [там же, с. 48]. Этот вывод чрезвычайно важен в ситуации перевода контекста при работе с художественными текстами.

Примером проблемы перевода вертикального контекста является также фрагмент романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», когда в четырнадцатой главе третьей части Алексей Александрович Каренин пишет письмо Анне. Он пишет по-французски, чтобы не демонстрировать свое отношение к происшедшему событию через личные местоимения, какие уместны в эпистолярном жанре: «Он писал без обращения к ней и по-французски, употребляя местоимение “вы”, не имеющее того характера холодности, которое оно имеет на русском языке»¹.

При переводе на иностранные языки этого фрагмента не всем удается заметить и понять, что по-русски местоимение «вы» написано со строчной буквы, хотя в этом контексте заложен смысл отношения между персонажами романа. В отличие от «Войны и мира», роман «Анна Каренина» написан без фрагментов на других языках, и хотя дается объяснение, что письмо было написано по-французски, читатель читает его по-русски. В переводе романа на английский язык (перевод Constance Garnett²) мы замечаем очень хорошее решение дополнить текст пояснением вертикального контекста, заложенного автором: *“He wrote without using any form of address to her, and wrote in French, making use of the plural ‘vous’, which has not the same note of coldness as the corresponding Russian form”*. Дан эксплицитный перевод с указанием на форму множественного числа местоимения второго лица, что помогает читателю понять смысл сюжетного события, в центре которого личное отношение одного из героев романа.

В своем исследовании О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет доказывают, что «вертикальный контекст – это филологическая проблема, это вопрос о том, как и почему тот или другой писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать историко-филологическую “информацию”, объективно заложенную в созданном им литературном произведении» [Ахманова, Гюббенет, 1977, с. 49]. Ситуация перевода художественного произведения значительно раздвигает рамки этого доказательства, вопрос становится еще более актуальным. Писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать его информацию. Он не исключает, но и не

¹ https://tolstoy.ru/upload/iblock/801/09_tom.pdf

² https://bookscafe.net/book/tolstoy_leo-anna_karenina-181713.html?ysclid=m6qasyq998152724473

может рассчитывать на то, что его произведение будут читать представители другой языковой и историко-филологической культуры. И тогда эта проблема встает перед переводчиком.

Интересная судьба сложилась у романа «Киндзики» японского писателя Юкио Мисимы. Этот роман переведен на десятки языков, а на русский язык переведен дважды. Сначала – через английский язык-посредник и получил название «Запретные удовольствия», а чуть позже был осуществлен перевод непосредственно с японского языка, который получил название «Запретные цвета», что полностью соответствует его названию по-японски. Запретные цвета – это вполне конкретное и хорошо известное культурно-историческое явление многовековой давности. Это явление имело социальный характер и составляет многие традиции в Японии, дошедшие до современного этапа развития культуры. В частности, понятие запретных цветов послужило причиной непонимания «красного лакея» в «Войне и мире», что мы уже рассмотрели выше. В романе «Киндзики» Юкио Мисима использует это понятие метафорически. Макросмысл заглавия и главная идея романа – что разрешено одному, может быть запретным для другого. В переводе на английский язык сохранено название японского романа *Forbidden Colours*, которое тоже имеет достаточно мощный вертикальный контекст. Но в этом контексте уже прочитывается еще и тот смысл, что запретный плод может быть сладок. Мы понимаем выбор перевода названия романа «Киндзики» как «Запретные удовольствия» уже с опорой на другую метафору.

Название художественного произведения – это очень важная проблема для всех, кто так или иначе имеет отношение к этому произведению. Для книготорговца – это товар, реализация которого будет зависеть от броскости названия, которое обретает еще и рекламную функцию. Для читателя-покупателя название – это параметр выбора. Для автора – это модель содержания произведения. Для переводчика – это проблема выражения основной идеи автора. Все эти аспекты жизни художественного произведения предполагают высокую контекстность его названия.

Известная книга В.П. Аксенова «Московская сага» в США имела огромный успех под названием *Generations of the Winter* и, следовательно, такое название обеспечивало успешную продажу большого тиража. Но в этом случае все же есть доля художественного смысла – ведь именно так называется первая часть книги В.П. Аксенова. Хотя в этом случае лишаются смысла первые строки главы, где автор приглашает вернуться в город, который дал свое имя названию книги.

Завершая свое исследование филологической сути вертикального контекста, О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет предостерегают своих последователей от трансформаций и смешения вертикального контекста и фоновых знаний и вовлечения в круг исследования контекста таких новых на конец семидесятых годов прошлого века понятий как «пресуппозиции» [Ахманова, Гюббенет, 1977, с. 54]. Сейчас с позиций переводоведения мы

не можем согласиться с таким предостережением. Современное сравнительно-сопоставительное языкознание в реализации переводческой деятельности активно оперирует категориями формальной логики и пресуппозиции. Эти категории, воспринимавшиеся ранее как исключительно философские, переходят в практически реализуемые методы аппроксимации одноименных, но асимметричных концептов в сопоставляемых в переводе языках.

С осторожностью и существенным опытом наблюдений за лингвистической реализацией пресуппозиций свое исследование проводит В.А. Звегинцев. Этот раздел его работы начинается с главы, очень знаменательно названной «Разумный глаз». Закljučая свое исследование, В.А. Звегинцев утверждает, что анализ предложения должен происходить на основе пресуппозиций речи. И его вывод о том, что «предложения можно признать принадлежащими к одному классу в том случае, если они допускают взаимные субституции в данном дискурсе, равноценным образом проявляя пресуппозиции речи» [Звегинцев, 2007, с. 297]. В условиях практического перевода, когда переводчик создает предложение, эквивалентное предложению оригинала с учетом контекста автора оригинала и фоновых знаний потенциального читателя, формула В.А. Звегинцева может стать технологическим переводческим инструментом.

Проведенное нами исследование [Коровкина, Семенов, 2022] показывает, что языковые пресуппозиции в переводе строятся, в частности, на понимании и анализе вертикальных контекстов, как, например, на понимании метафор в приведенных выше примерах. Пресуппозиционный подход позволяет переводчику прогнозировать полноту восприятия смысла читателем перевода.

В качестве единиц общих знаний коммуникантов И.И. Халеева выделяет четыре группы пресуппозиций: когнитивные семантические, когнитивные прагматические, вертикально-контекстные и фреймовые [Халеева, 1989]. То, что мы интерпретируем как вертикальный контекст, И.И. Халеева относит к вертикально-контекстным пресуппозициям.

Мы полагаем, что, понимая контекст, в своей деятельности переводчик находится в срединном положении между инвариантом смысла, вынесенного в контекст, и пределами понимания обнаруженной переводчиком информации.

Выделенные И.И. Халеевой когнитивные семантические пресуппозиции составляют лингвистическую сущность языковых единиц, несущих контекстуальную информацию, одинаково отражаемую в выразительных средствах оригинала и перевода. А когнитивные прагматические пресуппозиции в оригинале и переводе могут оказаться асимметричными и требуют от переводчика эксплицитного перевода.

Выводы

Контекстуальность художественного текста оказывается определяющим фактором сложности перевода, а в результате еще и создает проблемы для обеспечения полноты художественного перевода. Проблема перевода вертикального контекста углубляется асимметрией мер контекстуальности соотносимых в переводе языковых культур. Не имея конкретных лингвистических доказательств и исходя из переводоведческого опыта, мы все же приходим к выводу, что глубокие проблемы перевода между японским и русским языками объясняются асимметрией контекстуальности в соответствующих языковых культурах и картинах мира. Сложная смысловая иероглифическая письменность углубляет вертикальные контексты произведений японской художественной литературы. Иероглиф, составляющий слово, привносит в обозначаемое словом понятие дополнительный контекст, происходящий из лексического значения самого иероглифа. Структуру возникновения и построения вертикального контекста на основе иероглифической письменности можно понять еще и из нашего примера с анализом формы написания обращения «вы» в романе «Анна Каренина». То, как написано местоимение второго лица, создает контекст, привносящий дополнительный смысл. Если форма написания слова создает и формирует контекст, то становится аксиомой контекстуальность иероглифической письменности.

Список литературы

- Ахманова О.С., Губбенет И.В. Вертикальный контекст как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47–54.
- Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – Москва : КомКнига, 2007. – 312 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.
- Коровкина М.Е., Семёнов А.Л. Инферирование и функциональный подход к тексту: на материале синхронного перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – № 13 (2). – С. 337–352.
- Полубиченко Л.В. К обоснованию и развитию понятия вертикальный филологический контекст: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1979. – 182 с.
- Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – Москва : Высшая школа, 1989. – 238 с.

References

- Ahmanova O.S., Gubbenet I.V. *Vertical Context as a Philological Issue*. In: *Voprosy Jazykoznanija*. 1977. N 3. Pp. 47–54. (In Russian)

- Zvegintsev V.A. *The Sentence and Its Relation to Language and Speech*. Moscow: URSS, 2007. 312 p. (In Russian)
- Komissarov V.N. *Theory of Translation: (Linguistics Aspects)*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 253 p. (In Russian)
- Korovkina M.Ye., Semenov A.L. *Inferencing and Functional Approach to the Text: (Based on Simultaneous Interpreting)*. In: RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Vol. 13. N 2. Pp. 337–352. (In Russian)
- Polubichenko L.V. *Concerning the Development and Reasoning of the Concept of Philological Vertical Context: diss. PhD*. Moscow, 1979. 182 p. (In Russian)
- Khaleeva I.I. *The Theoretic Basics of Teaching Understanding a Foreign Speech*. Moscow: Vysshaya shkola. 238 p. (In Russian)

ГОЛУШИН И., ФИЛИПОВИЧ С.*
ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ
СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДЧИКА В СЕРБИИ

Аннотация. В настоящей статье представлена роль судебного переводчика в Республике Сербии, а именно судебного переводчика, выполняющего русско-сербский и сербско-русский перевод. Описываются процедура официального назначения судебного переводчика, его обязанности, его право заверять документы, а также порядок лишения судебного переводчика лицензии. Приводятся данные об увеличении числа иностранцев в Сербии и о количестве заверенных документов, которые подтверждают необходимость существования института «судебного переводчика». Анализируются специфика перевода и те трудности, с которыми сталкиваются судебные переводчики при выполнении письменного перевода. Как итог предлагаются два возможных способа перевода документов и их заверения, которые используются на практике с целью их предоставления в госорганы.

Ключевые слова: судебный переводчик; судебный перевод; заверенный перевод; русский язык; сербский язык; Республика Сербия; Автономный край Воеводина.

Для цитирования: Голушин И., Филипович С. Особенности работы судебного переводчика в Сербии // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 2. – С. 28–39. – DOI: 10.31249/perevod/2025.02.03

GOLUSHIN I., FILIPOVICH S.**
ON SPECIFIC PROFESSIONAL WORK
OF COURT INTERPRETERS IN SERBIA

Abstract. This article presents the role of a court interpreter in the Republic of Serbia, namely a court interpreter performing Russian-Serbian and Serbian-Russian translation.

* **Голушин Иван** – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы коммуникаций, г. Белград, Сербия; ivan@golushin.ru

Филипович Сунчица – преподаватель русского языка и литературы, судебный переводчик русского языка, предприниматель, г. Инджия, Сербия; suncicafilipovic@yahoo.com

© Голушин И., Филипович С., 2025

** **Golushin I.** – PhD (Philology), Associate Professor at the Higher School of Communications, Belgrade, Serbia; ivan@golushin.ru

Filipovich S. – Teacher of the Russian Language and Literature, Court Interpreter of the Russian Language, Entrepreneur, Indjija, Serbia; suncicafilipovic@yahoo.com

The procedure for the official appointment of a court interpreter, his / her duties, his / her right to certify documents, and the procedure for revoking a court interpreter's license are described. The data on the increase in the number of foreigners in Serbia and the number of certified documents are presented, which confirm the necessity of the institution of "court interpreter". The specifics of translation and the difficulties faced by court interpreters in translation are analyzed. As a result, two possible ways of translating and certifying documents, which are used in practice for the purpose of submitting them to public authorities, are proposed.

Keywords: court interpreter; court translation; certified translation; Russian language; Serbian language; Republic of Serbia; Autonomous Province of Vojvodina.

For citation: Golushin I., Filipovich S. On Specific Professional Work of Court Interpreters in Serbia // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 2. – P. 28–39. DOI: 10.31249/perevod/2025.02.03

Начиная с 2022 г. число русскоговорящих людей, переехавших на временное / постоянное пребывание в Республику Сербию, существенно увеличилось, в результате чего резко возросла необходимость в переводах с русского языка на сербский язык и обратно.

Для многих Сербия стала временным местом жительства, после чего русскоговорящие начали переезжать в другие страны. Есть также те, кому после переезда здесь очень понравилось, и кто решил продолжить свой жизненный путь вместе с гражданами Сербии. Появились даже «цифровые кочевники», нетипичная для Сербии группа иностранных граждан, поскольку Сербию не омывают моря, климат не такой, как, например, в Таиланде или других юго-восточных азиатских государствах, уровень жизни намного дороже, чем в вышеупомянутых странах. В первую очередь это россияне, которые воспользовались возможностью безвизового туристического въезда на срок до 30 дней, решившие поработать дистанционно из Сербии. В силу того, что у них нет официальной регистрации, временного / постоянного разрешения на жизнь и работу в нашей стране, большинство из этой группы раз в 30 дней выезжает на несколько часов, на сутки или на выходные дни в соседние государства – например, в Боснию и Герцеговину или Черногорию (для россиян тоже безвизовые страны) – и снова возвращаются в Сербию, где продолжают жить и работать. В связи с этим среди местных российских мигрантов появился и очень часто употребляется термин *визаран*, образованный от глагола *визаранить*, в значении «выезд за границу государства пребывания в соседнее государство со стороны иностранного гражданина при истечении срока безвизового пребывания на определенный, недолгий период времени в целях получения возможности нового срока безвизового пребывания» [Викисловарь, 2024].

В качестве данных, подтверждающих увеличение числа россиян, переехавших жить и работать в Республику Сербию, в нашей работе мы использовали доступные официальные сведения Национальной службы занятости Республики Сербии о количестве выданных разрешений на

работу за последние два года [Национална служба за запошљавање, 2024], а также информацию Министерства труда, занятости, социальных вопросов и защиты прав ветеранов о выданных за последние три года разрешения на временное (РВП) и постоянное проживание (ПМЖ / ВНЖ), в рамках которого 24 апреля 2025 года был проведен семинар под названием «Иностранцы в Сербии: подача заявлений на РВП и работу электронным путем» [Paragraf, 2024].

Таблица 1

**Общее число иностранных граждан с РВП
или ВНЖ в период 2021–2023 гг.**

	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Общее число иностранцев с разрешением на временное проживание (все виды оснований)	32 217	59 066	81 710
Число иностранцев с разрешением на временное проживание (РВП) (основание – трудоустройство)	20 828	35 805	46 073
Общее число иностранцев с разрешением на постоянное проживание (ВНЖ)	10 252	10 670	11 910

Как показали данные Национальной службы занятости, в 2022 г. иностранцам было выдано 35 000 разрешений на работу, из которых больше всего разрешения получили граждане Китая, России и Кубы, тогда как в 2023 г. – 50 000 разрешений на работу, среди которых наибольшее количество разрешений было выдано россиянам – 19 645, китайцам – 10 198, туркам – 4 946, индийцам – 4 914 и непальцам – 1 074 разрешения [RTV, 2024].

Чтобы подтвердить тезис, что число россиян в последнее время в несколько раз увеличилось, мы сопоставили данные трех судебных переводчиков об их работе за период с 2019 по 2023 г. Все они работают в городе Нови-Саде.

Таблица 2

**Количество заверенных документов судебных переводчиков
русского языка в период 2019–2023 гг.**

Год	Судебные переводчики русского языка		
	Переводчик 1 (назначен в 2011 г.)	Переводчик 2 (назначен в 2017 г.)	Переводчик 3 (назначен в 2020 г.)
2019	39	353	0
2020	56	337	19
2021	148	393	106
2022	878	1041	1111
2023	3827	1427	2352

Из таблицы видно, что за последние два года буквально экспоненциально возросло количество переведенных и заверенных документов, которое говорит о том, что институт «судебного переводчика» необходим,

чтобы не только облегчить работу нотариусов, но и ускорить ее. Нужно еще добавить, что здесь не учтены выполненные устные переводы.

Судебный переводчик в Республике Сербии

В ходе процедуры трудоустройства, регистрации по месту жительства, нострификации документов об образовании и в целом жизни в другой стране, есть необходимость в заверенных переводах, так как лишь такие переводы являются официальными и только их можно использовать во всех учреждениях и госорганах в Сербии.

Из нашего опыта работы, существенной разницей, касающейся данной темы, является порядок заверения переводов в Российской Федерации и Республике Сербии. Подробно не будем рассматривать порядок заверения переводов в России, расскажем немного о том, как это происходит в Сербии.

В Республике Сербии задача нотариусов – только заверять документы (подписи), они не занимаются их составлением, а также не заверяют переводы. Переводы клиенты заказывают либо непосредственно у судебных переводчиков, либо через бюро переводов, которое потом заказывает перевод у судебного переводчика.

Заверенный перевод делают судебные («присяжные») переводчики, которые переведенный документ заверяют своей подписью и печатью. Судебные переводчики – это служебные переводчики, которые назначаются конкретными государственными органами. Судебный переводчик своей печатью удостоверяет точность и подлинность перевода. Очень важно еще раз повторить, что в Сербии перевод документа, заверенный судебным переводчиком, не подлежит заверению нотариусом.

В Республике Сербии судебные переводчики назначаются двумя способами:

1) Министерством юстиции для всей территории Республики Сербии (за исключением территории Автономного края Воеводины);

2) Краевым секретариатом по образованию, нормативно-правовым документам, управлению и национальным меньшинствам – национальным сообществам Автономного края Воеводины для территории Автономного края Воеводины.

В соответствии с этим, существуют два реестра судебных переводчиков – один для судебных переводчиков Автономного края Воеводины [Стални судски тумачи и преводиоци, 2024] и другой для судебных переводчиков остальной части Сербии [Електронска евиденција сталних судских преводилаца и тумача, 2024].

Судебный переводчик назначается в следующем порядке. Министерство юстиции или Краевой секретариат по образованию, нормативно-правовым документам, управлению и национальным меньшинствам – на-

циональным сообществам отвечают за назначение, освобождение от должности и ведение реестра постоянных судебных переводчиков для юрисдикции всех судов. Оценивая потребности в постоянных судебных переводчиках и постоянных судебных переводчиках письма Брайля, языка жестов, председатели судов предлагают объявить конкурс о назначении постоянных судебных переводчиков и постоянных судебных переводчиков письма Брайля, языка жестов. На базе поданных заявлений не менее одного раза в год (обычно это происходит в сентябре или марте) публикуется объявление о назначении постоянных судебных переводчиков и постоянных судебных переводчиков письма Брайля, языка жестов. Объявление-конкурс для назначения судебного переводчика для территории Сербии публикуется на сайте Министерства юстиции [Стални судски тумачи и преводиоци, 2024]. Для территории Воеводины объявление обычно публикуется в «Официальном вестнике АКВ¹», одном из печатных изданий в АК² Воеводины и на официальном сайте секретариата [Оглас за постављење сталних судских преводилаца и сталних судских тумача знакова слепих, глувих или немих лица за подручје виших судова на територији АП Војводине, 2024].

Кандидатом может быть лицо с дипломом об окончании высшего учебного заведения, что является одним из условий приема на работу в качестве государственного служащего. У кандидата должно быть постоянное место жительства на территории Республики Сербии, а также он должен соответствовать следующим специальным требованиям:

1) у него должно быть соответствующее высшее образование по конкретному иностранному языку или абсолютное знание языка, с которого и на который выполняется устный и/или письменный перевод (это касается кандидатов в судебные переводчики), или не ниже оконченного среднего образования, продолжительностью четыре года (всего 12 лет учебы в школе по сербской системе основного и среднего образования) – это касается кандидатов в судебные переводчики письма Брайля, языка жестов;

2) знание правовой терминологии, используемой в языковой паре перевода;

3) не менее пяти лет опыта работы переводчиком.

Поскольку авторы данной статьи постоянно проживают на территории Автономного края Воеводины, их опыт позволяет описать процесс назначения переводчиков именно на этой территории. Краевой секретариат по образованию, нормативно-правовым документам, управлению и национальным меньшинствам – национальным сообществам организует сдачу экзамена для проверки знаний кандидатов, постоянно проживающих на территории АК Воеводина, и для этого формируются комиссии, проверяющие следующее:

¹ АКВ – Автономный край Воеводина. – Прим. наше.

² АК – Автономный край. – Прим. наше.

1) имеется ли у кандидата соответствующее высшее образование по иностранному языку, есть ли у него абсолютное знание языковой пары устного или письменного перевода;

2) владеет ли кандидат юридической терминологией, используемой в языковой паре перевода.

Экзамен состоит из письменной и устной частей. После проведенной конкурсной процедуры краевой секретариат официальным документом – *Решением* – назначает постоянных судебных переводчиков и постоянных переводчиков письма Брайля, языка жестов.

Судебные переводчики назначаются для территории, относящейся к определенному суду, но их печать и подпись действительны на территории всей Сербии. На данный момент, на основании данных из публичных реестров, в Республике Сербии работает 82 судебных переводчика в паре с русским и сербским языками [Стални судски тумачи и преводиоци, 2024]. Таких судебных переводчиков на территории Воеводины 38 [Претрага судских преводилаца на територији АП Војводине, 2024]. Естественно, число действующих судебных переводчиков, на самом деле, меньше, что можно объяснить тем, что многие из них достигли определенного возраста (70 лет и более) и, несмотря на то что находятся в официальных списках, в силу возраста (и не только) они судебным переводом больше не занимаются.

Каждый судебный переводчик обязан вести «Журнал выполненных и заверенных переводов» согласно «Положению о работе постоянных судебных переводчиков», в котором указываются следующие данные: порядковый номер регистрации, дата получения документа или иной бумаги на перевод, номер и дата принятия судебного акта или иного документа государственного органа или организации, по требованию которой осуществляется перевод, или персональное имя, адрес и регистрационный номер заявителя, предмет перевода (краткое обозначение содержания документа, с указанием места использования перевода – внутри страны или за рубежом), размер оплаченного вознаграждения и расходов за перевод, подтверждение заявителя о получении документа и перевода с датой получения и комментарии [Правилник о сталним судским тумачима, 2024].

Естественно, «Положением о работе постоянных судебных переводчиков» утверждается и порядок лишения лицензии судебного переводчика. Во-первых, судебный переводчик может отказаться от лицензии по собственному желанию. Во-вторых, если будет установлено, что не существовали либо прекратились условия для назначения этого лица судебным переводчиком. В-третьих, если судебный переводчик осужден за уголовное преступление, делающее его недостойным или непригодным для выполнения обязанностей переводчика, либо если на основании решения суда его деловая дееспособность отменена или ограничена. В-четвертых, если в установленном законом порядке выяснено, что он утратил трудоспособность и, в-пятых, если недобросовестно либо непрофессионально выполняет переводческую деятельность [Правилник о сталним судским

тумачима, 2024]. На практике еще не было ситуации (т.е. мы не сталкивались с этим), когда судебный переводчик был лишен лицензии.

Специфика судебного перевода – устные и письменные переводы

Судебные переводчики в Сербии занимаются и устными, и письменными переводами.

Устные переводы из практики последних лет выполняются / выполнялись в разных местах: в судах (судебные заседания, дача показаний), полиции (в момент ареста, в процессе получения разрешения на ВНЖ), налоговой службе, в нотариальной конторе при нотариальном заверении подписи, а также при оформлении документов и сделок, в ЗАГСе на церемонии бракосочетания. Если закон не требует присутствия судебного переводчика, устные переводы в других учреждениях могут обеспечиваться и другими переводчиками, не являющимися судебными. Наиболее часто судебный переводчик выполняет устный перевод у нотариуса.

Работа судебного переводчика у нотариуса не вызывает определенных трудностей. Когда речь идет об иностранцах, не говорящих на сербском языке, при заверении их подписи у нотариуса существуют две формы такого заверения. Первая, которая подразумевает заверение подписи, где нотариус не отвечает за содержание документа – судебный переводчик в присутствии нотариуса и клиента выполняет устный перевод документа, написанного на сербском языке, после чего клиент ставит свою подпись. Этот документ потом заверяют и судебный переводчик, и нотариус. Вторая, более строгая форма заверения (здесь чаще всего речь идет о договорах купли-продажи недвижимости), подразумевает организацию встречи у нотариуса, на которой эти документы переводятся устно судебным переводчиком в присутствии двух свидетелей, говорящих на обоих языках (они являются нейтральной стороной, контролирующей качество перевода). К таким типам документов приобщаются более объемная форма нотариального заверения, а также документ с данными и подписями всех присутствующих. Второй тип заверения занимает в два-три раза больше времени, чем первый тип. Естественно, исключение может быть сделано на усмотрение нотариуса, если он убедится в том, что иностранец, совершающий сделку, хорошо понимает сербский язык. Тогда нотариус может отказаться от услуг судебного переводчика.

Судебный переводчик большую часть своего времени уделял и уделяет выполнению письменных переводов. По прибытии в Сербию все документы, которые могут понадобиться для жизни, учебы и работы (свидетельство о рождении, диплом, свидетельство о браке / разводе, справка о том, что вы не состоите в браке (нужна для приобретения недвижимости), справка о несудимости, справка об инвалидности, личное дело учащегося (требуется для поступления в школу кроме первого класса) и т.д.), нужно перевести и заверить. Печать и подпись переводчика на переводе будут

достаточными для подачи документов во все государственные органы Сербии (к переводу прикрепляется копия оригинального документа, т.е. перевод подшивается лавсановой нитью к копии подлинника).

Большинство документов, требующих заверения, – это документы для оформления ВНЖ, трудоустройства, нострификации (процесса верификации) диплома. В последующих таблицах 3 и 4 мы привели название документов, которые чаще всего переводятся и заверяются судебными переводчиками.

Таблица 3

**Документы, которые чаще всего переводятся с русского языка
на сербский язык и заверяются судебным переводчиком**

Название документа на русском языке	Название документа на сербском языке
Свидетельство о рождении	Извод из матичне књиге рођених
Свидетельство о браке	Извод из матичне књиге венчаних
Свидетельство о смерти	Извод из матичне књиге умрлих
Диплом	Диплома
Приложение к диплому	Додатак дипломи
Выписки из банка	Изводи из банке
Справка	Потврда
Апостиль	Апостил
Аттестат о среднем образовании	Сведочанство о завршеној средњој школи
Выписка из ЕГРЮЛ	Извод из Јединственог државног регистра правних лица (сербский эквивалент АПР)
Паспорт РФ, стр. 5, 14	Пасош РФ (унутрашњи пасош)
Заграничный паспорт РФ, стр. 2, 3	Пасош РФ (међународни пасош)

Документы, которые чаще всего переводятся с сербского на русский и заверяются, приведены в следующей таблице.

Таблица 4

**Документы, которые чаще всего переводятся с сербского языка
на русский язык и заверяются судебным переводчиком**

Название документа на сербском языке	Название документа на русском языке
Изјава (различите врсте)	Заявление (различного рода)
Пуномоћје	Доверенность
Уговор о закупу	Договор найма
Купопродајни уговор	Договор купли-продажи
Нотарска овера	Нотариальное удостоверение
Дозвола за привремени боравак	Разрешение на временное проживание
Апостил	Апостиль
Сведочанство (о завршеној средњој школи или разреду)	Аттестат (о среднем образовании или об окончании класса)

При переводе документов встречаются трудности. Наиболее распространенные проблемы переводов документов следующие:

1) при транскрипции / транслитерации личных имен: рус. *Елена*; серб. *Јелена* (*Јелена* и *Елена* [*Элэна*] – это разные имена в сербском языке);

2) при передаче встречающихся в русском языке согласных групп, которые в сербском языке чередуются. Например, в группе *щ, с* в сербском варианте исчезает (рус. *Расщупкин*, серб. *Ращупкин*);

3) при недостаточно ясных орфоэпических правилах, с которыми, бывает сложно «разобраться» из-за исторического наследия, ложных эквивалентов. Например, трудность представляет перевод, точнее транскрипция и транслитерация имен: *Наталья, Наталия* – серб. *Наталија*; *Лев* – серб. *Лав*; *Софья, София* – серб. *Софија*; *Елена* – *Јелена* в начале слова и после согласной; затем мужская и женская форма фамилий (которых, кстати, нет в сербском языке – *Попов* и *Попова* – в сербской культуре они могут считаться представителями разных семей), несоответствие перевода, буквализмы и интерференция «*Сведочанство о браку*» («Аттестат о браке», вместо «Свидетельство о браке»).

Считаем уместным процитировать пункт 250 «Орфографии сербского языка», что позволит понять, почему выше говорилось о недостаточной ясности орфоэпических правил в сербском языке, когда речь идет о транскрипции / транслитерации слов русского языка. Ввиду существующих заимствований в славянских языках «многие имена, которые заимствованы из русского языка или с его помощью, стали постоянно использоваться и укоренились в сербской культурной среде. Их графический или звуковой облик стал результатом исторического и культурологического процессов, а не языко-речевых правил транскрипции. Основной нормативный принцип следующий – эти имена должны быть в форме, утвержденной и принятой в нашем культурном выражении»... «Наше формообразование русских имен не отталкивается ни от фонологической транскрипции, ни от звукового облика имени в современной русской речи, а от конкретного состояния русского языка, выражающегося в русском письме и грамматике, которая, по большей части, консервативная и историческая» [Правопис српскога језика, 2010, с. 217].

Такие проблемные вопросы мы с коллегами договорились решать написанием ФИО на языке оригинала в скобках (рус. ...), (серб. ...). К этому способу, к сожалению, не все судебные переводчики прибегают, вследствие чего все-таки появляются несоответствия между переводами имен, фамилий, топонимов. В разрешениях на временное проживание и договорах купли-продажи недвижимости обязательно указывается и английская транслитерация.

В процессе нострификации диплома возникают трудности в переводах различных уровней образования. Очень сложно перевести на сербский язык понятия «училище», «техникум», поскольку системы образования в России и Сербии сильно отличаются. Проблемным вопросом здесь является также приведение в соответствие званий / квалификаций к уже существующим категориям в сербском реестре профессий; особенно сложным это бывает в переводах медицинских квалификаций, в перево-

дах ученых званий – например, кандидат наук на сербском приравнивается к международной ученой степени PhD, и, соответственно, в сербском языке он – *доктор наука* (таким образом кандидат наук в Сербии становится равным российскому доктору наук, который тоже переводится как *доктор наука*).

Как выглядит на практике перевод документа с сербского языка на русский для предоставления в Российскую Федерацию? Составлением доверенностей и похожих документов обычно занимаются адвокаты клиентов либо сами клиенты на основании образцов, найденных в интернете. Здесь есть два возможных варианта перевода:

1) судебный переводчик заверяет двуязычный документ доверенности (в котором содержатся текст оригинала и его перевод). С таким документом клиент самостоятельно идет к нотариусу, где заверяет свою подпись. Правила при заверении разные – некоторые нотариусы заверяют подпись на двуязычном документе на основании существующего перевода, заверенного судебным переводчиком, в то время как некоторые требуют обязательного личного присутствия судебного переводчика. После заверения документа у нотариуса клиент возвращается к судебному переводчику, который делает перевод нотариального удостоверения (т.е. подтверждения о заверении подписи) на русский язык. Здесь речь идет о двух переводах: первый – это перевод самой доверенности, второй – перевод подтверждения о нотариальном заверении;

2) судебный переводчик переводит устно текст доверенности с сербского языка на русский у нотариуса, для того чтобы нотариус заверил подпись иностранного гражданина, не владеющего сербским языком. После этого делается заверенный перевод документа полностью (доверенность и подтверждение о нотариальном заверении).

Перевод апостиля и нотариального удостоверения клиенты иногда делают в консульстве РФ или уже в самой РФ. Были случаи, когда российские госорганы не принимали перевод, если этот перевод заверен печатью судебного переводчика, текст которой написан только на сербском языке. У судебных переводчиков могут иметься печати на одном или двух языках – это зависит от текста «Решения о назначении». Был период, когда данным «Решением...» была предусмотрена печать только на сербском языке, поэтому некоторые из переводчиков меняли печать, добавив в нее написание на русском языке.

В 2013 г. было подписано Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Сербии о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях [Соглашение, 2024], а также «Соглашение о сотрудничестве двух нотариальных палат» [Федеральная нотариальная палата, 2024]. Несмотря на это, в России в последнее время, по словам клиентов, все чаще стали требовать заверить апостилем документы, выданные госорганами и переведенные судебными переводчиками из Сербии.

Выводы

Работа судебного переводчика в Республике Сербии является не только ответственной, но и востребованной, уважаемой и престижной. Основной проблемой, связанной с данной профессией, мы считаем недостаточное правовое урегулирование в данной сфере. Несмотря на то что при создании института судебных переводчиков в Сербии (Югославии) законодатели ориентировались на международные стандарты, по нашему мнению, все еще есть многочисленные моменты, которые требуют серьезной доработки. В частности, нужно принять новые, более актуальные положения о работе судебного переводчика; разработать алгоритм для удаленного устного перевода как у нотариусов, так и в судах; не ограничивать сумму денежного вознаграждения за оказанную услугу перевода – она сейчас ограничена «Положением о работе постоянных судебных переводчиков», и т.п. Мы знаем, что существуют профессиональные ассоциации переводчиков, такие как, например, «Ассоциация постоянных судебных переводчиков Сербии» в г. Белграде, которые взаимодействуют с Министерством юстиции и лоббируют изменение устаревших нормативных документов, касающихся судебного перевода, и надеемся, что они повлияют на улучшение не только правил, требований, но и условий работы судебного переводчика.

Список литературы

- Викисловарь.* – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/визаранить> (дата обращения: 20.04.2024).
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и учебных степенях.* – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44416/ (дата обращения: 01.12.2024).
- Федеральная нотариальная палата. Нотариусы России и Сербии подписали соглашение о сотрудничестве.* – URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/notariussy-rossii-i-serbii-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 20.04.2024).
- Электронска евиденција сталних судских преводилаца и тумача.* – URL: <https://www.mpravde.gov.rs/tekst/13861/elektronska-evidencija-stalnih-sudskih-prevodilaca-i-tumaca.php> (дата обращения: 03.11.2024).
- Национална служба за запошљавање.* – URL: <https://www.nsz.gov.rs/> (дата обращения: 20.04.2024).
- Оглас за постављење сталних судских преводилаца и сталних судских тумача знакова слепих, глувих или немих лица за подручје виших судова на територију АП Војводине.* – URL: <https://www.puma.vojvodina.gov.rs/text.php?vr=18> (дата обращения: 20.04.2024).
- Paragraf. Arhiva savetovanja.* – URL: <https://www.paragraf.rs/arhiva-savetovanja.html> (дата обращения 26.04.2024).
- Правилник о сталним судским тумачима.* – URL: https://www.puma.vojvodina.gov.rs/dokument/zakoni/Pravilnik_o_stalnim_sudskim_tumacima.pdf (дата обращения: 03.11.2024).
- Правопис српскога језика.* – Нови Сад: Матица Српска, 2010. – 508 с. – URL: https://jelenarodomir.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/08/pravopis-ms_2010.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

- Претрага судских преводаца на територији АП Војводине.* – URL: <https://www.puma.vojvodina.gov.rs/tumaci.php> (дата обращения: 03.11.2024).
- RTV. Strancima lane izdato više od 50.000 radnih dozvola, najviše Rusima 19.645.* – URL: https://rtv.rs/sr_lat/ekonomija/aktuelno/strancima-lane-izdato-vise-od-50.000-radnih-dozvola-najvise-rusima-19.645_1508074.html (дата обращения: 20.04.2024).
- Стални судски тумачи и преводиоци.* – URL: <https://www.mpravde.gov.rs/tekst/756/tumaci-i-prevodioci.php> (дата обращения: 03.11.2024).

References

- Vikislovar'* [Wiktionary]. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/визаранить> (accessed: 20.04.2024). (In Russian)
- Agreement Between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Serbia on Mutual Recognition and Equivalence of Documents on Education and Academic Degrees.* – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44416/ (accessed: 01.12.2024). (In Russian)
- Federal Chamber of Notaries. Notaries of Russia and Serbia signed an agreement on cooperation.* – URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/notariussy-rossii-i-serbii-podpisali-soglashenie-ot-sotrudnichestve> (accessed: 20.04.2024). (In Serbian)
- Electronic Records of Permanent Court Translators and Interpreters.* – URL: <https://www.mpravde.gov.rs/tekst/13861/elektronska-evidencija-stalnih-sudskih-prevodilaca-i-tumaca.php> (accessed: 03.11.2024). (In Serbian)
- The National Employment Service.* – URL: <https://www.nsz.gov.rs/> (accessed: 20.04.2024). (In Serbian)
- Advertisement for the Appointment of Permanent Court Translators and Permanent Court Interpreters of Signs for Blind, Deaf or Mute Persons for The Area of Higher Courts in the Territory of the Autonomous Province of Vojvodina.* – URL: <https://www.puma.vojvodina.gov.rs/text.php?vr=18> (accessed: 20.04.2024). (In Serbian)
- Paragraph. Consultation archive.* – URL: <https://www.paragraf.rs/arhiva-savetovanja.html> (accessed 26.04.2024). (In Serbian)
- Regulations on Permanent Court Interpreters.* – URL: https://www.puma.vojvodina.gov.rs/dokumenti/zakoni/Pravilnik_o_stalnim_sudskim_tumacima.pdf (accessed: 03.11.2024). (In Serbian)
- The Orthography of the Serbian Language.* Novi Sad: Matica Srpska, 2010. 508 p. – URL: https://jelenaradimir.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/08/pravopis-ms_2010.pdf (accessed: 20.04.2024). (In Serbian)
- Search for Court Interpreters in the Territory of the Autonomous Province of Vojvodina.* – URL: <https://www.puma.vojvodina.gov.rs/tumaci.php> (accessed: 03.11.2024). (In Serbian)
- RTV. More Than 50,000 Work Permits Issued to Foreigners Last Year, Most to Russians 19,645.* – URL: https://rtv.rs/sr_lat/ekonomija/aktuelno/strancima-lane-izdato-vise-od-50.000-radnih-dozvola-najvise-rusima-19.645_1508074.html (accessed: 20.04.2024). (In Serbian)
- Permanent Court Interpreters and Translators.* – URL: <https://www.mpravde.gov.rs/tekst/756/tumaci-i-prevodioci.php> (accessed: 03.11.2024). (In Serbian)

НОВИКОВА Э.Ю., НОВОЖИЛОВА А.А., ГУРЕЕВА А.А.*
**УРБАНОНИМЫ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА:
ФАКТОРЫ ВАРИАТИВНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о вариативности перевода урбанонимов в фокусе лингвопрагматики. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена, с одной стороны, востребованностью перевода текстов, содержащих урбанонимы, с другой – отсутствием единого подхода к стратегиям и переводческим решениям в отношении данного языкового феномена. Обсуждаются факторы, влияющие на вариативные переводческие решения, специфика переводческих ошибок, переводческих приемов и детерминированность перевода конвенциональными особенностями переводческого заказа. Анализ проводится на материале многоязычных интернет-источников, студенческих переводов, городских вывесок. В результате исследования сгруппированы факторы вариативности, позволяющие определить стратегию перевода урбанонимов в заданном ситуативном контексте.

Ключевые слова: урбанонимы; перевод; вариативность; туризм; переводческий заказ; прагматика.

Для цитирования: Новикова Э.Ю., Новожилова А.А., Гуреева А.А. Урбанонимы как переводческая проблема: факторы вариативности // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 2. – С. 40–49. – DOI: 10.31249/perevod/2025.02.04

* **Новикова Элина Юрьевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»; nov-elina@volsu.ru

Новожилова Анна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»; novozilova@volsu.ru

Гуреева Анна Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»; gureeva@volsu.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00223)

© Новикова Э.Ю., Новожилова А.А., Гуреева А.А., 2025

NOVIKOVA E.YU., NOVOZHILOVA A.A., GUREEVA A.A.*

URBANONYMS AS A TRANSLATION PROBLEM: VARIABILITY FACTORS

Abstract. The article is devoted to translation variability in the focus of linguopragmatics when dealing with urbanonyms. The relevance of the proposed study is due, on the one hand, to the demand for translating texts with urbanonyms, and, on the other hand, to the lack of a unified approach to strategies and translation solutions in relation to this linguistic phenomenon. The study reveals the factors influencing variable translation solutions, the specifics of translation errors, translation methods, and conventional features of the translation order determining the translation result. The analysis is based on multilingual Internet sources, student translations, and city signs. The study results in grouping variability factors allowing to determine the strategy of urbanonyms translation in a certain situational context.

Keywords: urbanonyms; translation; variability; tourism; translation order; pragmatics.

For citation: Novikova E.Yu., Novozhilova A.A., Gureeva A.A. Urbanonyms as a Translation Problem: Variability Factors // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 2. – P. 40–49. DOI: 10.31249/perevod/2025.02.04

Введение

Изучение различных аспектов номинации городского топонимикона вызывает интерес исследователей в фокусе социолингвистики и сохранения языковой культурной идентичности [Лотман, 2002; Галактионова, 2016], маркетинга территорий и брендинга [Гуреева, 2018; Митягина, 2021], этнолингвистики [Шмелёва, 2012], технологии перевода [Новикова, 2019; Новожилова, 2021; Судилова, 2022] и др.

К городскому топонимикону относится широкий ряд различных типов наименований, среди которых можно выделить антропонимы, топонимы, микротопонимы, зоонимы, хрематонимы, эконимы и др. Согласимся с М.В. Голомидовой в том, что нет однозначного и единого взгляда на трактовки городских наименований [Голомидова, 2019]. Предложенный достаточно широкий взгляд на классификацию урбанонимов встречаем в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [Подольская, 1988]; данный подход получил дальнейшее рассмотрение в ряде лингвистических работ [Разумов, 2015; Соловьев, 2018]. В рамках проводимого исследования мы используем термин «урбаноним» применительно

* **Novikova E.Yu.** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics, Volgograd State University; nov-elina@volsu.ru

Novozhilova A.A. – PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics, Volgograd State University; novozhilova@volsu.ru

Gureeva A.A. – Phd (Philology), Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics, Volgograd State University; gureeva@volsu.ru

к официальным названиям адресных объектов, объектам городской среды культурного назначения и топографических объектов. Перечисленные группы урбанонимов представляют собой малоформатный городской текст, основная особенность которого – локативность, поскольку городские тексты являются инструментом формирования и отражения городской ментальности ввиду содержания культурно-специфических номинаций исторических фактов, пространств, событий, деятелей и др.

В современных условиях глобализации, экономической и культурной интеграции, международного туризма городская ономастика получает многоязычное звучание и тем самым попадает в профессиональное поле переводческой деятельности. Здесь важно отметить не только межъязыковой, но и культурный компонент урбанонимов. Как отмечает Д.Ю. Ильин, такие наименования несут в себе культурный код, который помимо своего прямого значения может раскрывать глубокие исторические и культурные связи, предоставляя иноязычным получателям возможность составить более полное представление о русской истории, культуре и ее многообразии [Ильин, 2016].

Урбанонимы как предмет изучения в переводоведении

Многоязычный региональный топонимикон реализован, прежде всего, в различных текстах туристического дискурса, среди них можно выделить городские интернет-порталы, печатные путеводители или мобильные интерактивные приложения, содержащие информацию о достопримечательностях города, топографические карты, системы навигации и т.п. Городские топонимы в большом количестве размещаются на баннерах, плакатах, вывесках и формируют культурно-исторический облик города, национальные черты и прецедентные концепты, способствуя культурному обогащению гостей и жителей города. Следует обратить внимание на тот факт, что урбанонимы имеют высокую культурную ценность и выступают эффективным маркетинговым инструментом территориального брендинга в рамках межкультурного трансфера и повышения туристической привлекательности региона в иноязычном пространстве. В связи с этим перевод урбанонимов занимает важное место в локализации и адаптации текстов туристического дискурса.

Цель предпринятого исследования заключается в рассмотрении факторов, влияющих на вариативность переводческого решения в отношении урбанонимов. Материалом исследования послужили вывески наименований улиц в г. Волгограде, многоязычный интернет-портал «Волгоградский край – территория путешествий», а также студенческие переводы туристических текстов.

Даже самый поверхностный взгляд на варианты перевода различных урбанонимов, которые уже устоялись в языках, например:

- «Боденское озеро» и «Бодензее» (нем. *Bodensee*),
- «Грюнес Гевельбе» и «Зеленые своды» (нем. *Grünes Gewölbe*),
- «небоскреб “Шард”», «Осколок» и «Осколки стекла» (англ. *The Shard*),
- «Биг-Бен» и «Большой Бен» (англ. *Big Ben*),
- англ. “*The Motherland Calls*”, “*The Mother Russia Calls!*” и “*Mother-Russia calls for!*” (рус. «Родина-мать зовет!») и
или наименования, которые обнаруживают ошибки или очевидные переводческие «ляпы», например:
 - *Blue Dali street* (рус. «улица Голубые Дали»),
 - *Dom Youth* (рус. «Дом Молодежи»),
 - *Tverskaya ulicza* (рус. «Тверская улица»),
 - *Memorial Submarine Museum* (рус. «Мемориальный комплекс “Ворошиловская батарея”»)

говорит о том, что топонимика все еще представляет определенные трудности для переводчиков и должна быть глубже проработана и изучена в транслатологическом фокусе.

В своих работах Д.И. Ермолович изучает приемы и принципы передачи имен собственных, в том числе и топонимов, и рассматривает субъективные и объективные проблемы, возникающие при установлении соответствий в передаче таких номинаций [Ермолович, 2001, 2004, 2005].

Представим ряд факторов, которые обуславливают вариативность переводческих решений в анализируемой сфере.

1) *Отсутствие общепринятого свода правил и стандартов для передачи имен собственных, включая урбанонимы.* Существует ряд попыток гармонизировать региональный топонимикон в языковых парах. Достаточно комплексным подходом структурирования приемов перевода представляется работа Топонимической комиссии Санкт-Петербурга, касающаяся приемов и правил передачи названий объектов городского пространства Санкт-Петербурга на английский язык с их последующей локализацией на информационных носителях [Предложения Топонимической комиссии...]. Также есть отдельные работы, посвященные проблемам перевода региональных топонимов на примере конкретных регионов (см., например, [Александрова, 2020]). Несмотря на такие авторитетные исследования, проблема остается нерешенной ввиду несовпадения языковых систем и вместе с тем технологии перевода, а также из-за уникальности региональных урбаностических наименований. Как следствие свободы в принятии переводческого решения могут случаться переводческие коллизии, когда вывески адреса одной и той же улицы двух соседних домов получают вариативный перевод, выполняемый различными переводчиками, например, *V.I. Lenina avenue* и *V.I. Lenina prospekt* (рус. «проспект В.И. Ленина» и «проспект им. В.И. Ленина») (см. рис. 1).

Рис. 1

2) *Жанровая принадлежность текстов, в которых употребляются урбанонимы.* Очевидно, что современные дискурсы, вне зависимости от их основного тематического (предметного, отраслевого) профиля, имеют тенденцию к гибридации коммуникативных сфер, модальности и стиля. Например, в туристическом дискурсе наблюдается смешение институционально маркированной официальной коммуникации, культурно-познавательной, рекламной, информационной и др. Разновекторная прагматика разных жанров, а также каналов устной и/или письменной коммуникации внутри одного дискурса детерминирует различный спектр переводческих стратегий в области ономастики. В текстах официально-делового стиля используются следующие приемы:

– иноязычные вкрапления – топоним остается без изменения: например, при переключении карты Google Maps на немецкий язык некоторые названия остаются на русском языке – *улица Кирова, Cafe Рандеву*, при этом другие подобные названия переведены или как минимум переданы приемами транслитерации или транскрипции – «*ulitsa Pisemskogo*»;

– подбор эквивалентов, которые ранее закрепились в языке: нем. *Gebiet Wolgograd*; англ. *Volgograd region*;

– приемы транслитерации / транскрипции: нем. *Oblast Volgograd*; англ. *Volgograd oblast*.

При работе с текстами и материалами, посвященными культурно-историческим достопримечательностям и дестинациям, например, путеводителями, буклетами, брошюрами, переводчику необходимо обращать особое внимание на аутентичные названия локаций. В таких случаях требуется либо сохранять оригинальное название с пояснением на языке перевода, либо использовать перевод, который максимально точно передает

смысл и характер этого названия. В этих случаях переводчик руководствуется рядом принципов. Перечислим их:

– наличие традиции в передаче урбанонима, например, *Heldenallee* (рус. «Аллея героев»), *Platz der gefallenen Kämpfer* (рус. «Площадь павших борцов»), данные калькированные варианты перевода уже прочно закрепились в письменной и устной коммуникации на протяжении долгого временного периода;

– использование слов-конкретизаторов для более понятного восприятия урбанонима иностранцем, например, нем. *Gedenkstätte Mamaew Hügel* (рус. «Мамаев Курган»), англ. *The sculpture "Mother-Russia calls for!"* (рус. «Родина-мать зовет!»);

– использование транскрипции вместе с переводным вариантом для удобства ориентирования иностранцу в «чужом» регионе: *vor dem Hotel Wolgograd steht seit 2006 das Alexander-Newski-Denkmal (Pamjatnik Alexandru Newskomu)* (рус. «Напротив гостиницы Волгоград с 2006 года установлен памятник Александру Невскому»);

– использование более понятного варианта перевода, например, нем. *Mamai Hügel*, англ. *Mamayev Hill* (рус. «Мамаев Курган»); варианта перевода для комфортного ориентирования на местности: нем. *Mamajew Kurgan*, англ. *Mamayev Kurgan*; принятого эквивалента в открытых источниках «своей» лингвокультуры: *Mamajew Hügel*;

– возможность визуальной избыточности в переводе в виде параллельных переводных и аутентичных наименований в рамках конвенциональных особенностей жанра или типа текста, например: *the Central Railway Station Volgograd-1 (Tsentralnyy zheleznodorozhnyy vokzal)*;

– специфика переводческого заказа, есть ли у заказчика особые требования, пожелания, ограничения по переводу урбанонимов.

На практике переводчики обнаруживают, что описанные выше приемы не всегда достаточны для идеального решения. Часто они комбинируют различные методы или выбирают совершенно иные подходы.

Таким образом, выбор стратегии перевода напрямую зависит от конкретной ситуации, жанра текста и его общего контекста. Сложность переводческой задачи в отдельных случаях детерминирует вариативность, особенно в дискурсе, где переводчик действует как эксперт межкультурной коммуникации.

3) *Специфика переводческого заказа как фактор вариативности.* Прозрачность формулировки переводческого задания заказчика выступает одним из важных факторов принятия переводческого решения. Если переводчик в достаточной мере знает важные прагматические особенности заказа (цель, получатель, место, время, назначение и др. перевода) или конкретные пожелания заказчика к переводному тексту, вероятность выполнить некорректный перевод уменьшается, равно как и сужается круг вариативного перевода урбанонимов. Проиллюстрируем на примере.

Оригинал: *Start der zweitägigen Wanderung ist Haslau an der Donau. Von hier aus marschieren die TeilnehmerInnen durch die Donau-Auen, den Ellender Wald, über Göttlesbrunn bis nach Bruck an der Leitha. Im Harrachkeller kann man den ersten Tag gemütlich ausklingen lassen, im Ort übernachten oder nach Hause zurückkehren* (Wir für Umwelt ...).

В исходном тексте присутствуют различные урбанонимы: наименования населенных пунктов (*Haslau an der Donau, Bruck an der Leitha, Göttlesbrunn*); названия парковых зон, лесных массивов (*die Donau-Auen, den Ellender Wald*); наименование кафе (*Harrachkeller*).

Предположим, что турагентство заказывает перевод текста для каталога мероприятий для туристов. В контексте данного заказа переводчик сталкивается с необходимостью обеспечить лаконичность и понятность текста при максимально точной передаче информации. Следующие микростратегии позволяют оптимизировать текст для восприятия целевой аудитории – туристов, которые заинтересованы в краткой и понятной информации о проводимых мероприятиях: 1) использование общепринятых названий, например, устоявшийся эквивалент «на Дунае», а не транскрипцию *Донау*; 2) внедрение конкретизирующих слов, например, «городок Гёттлесбрун»; 3) добавление уточнений, например, «лес близ поселка Мария Элленд»:

Перевод 1. «Двухдневный поход стартует в деревне Хаслау-на-Дунае. Отсюда участники проделают путь через национальный парк Донау-Ауэн, лес близ поселка Мария Элленд и городок Гёттлесбрун и дойдут до города Брук-на-Лайте. Для достойного завершения дня прекрасно подойдет уютный ресторан “Харрахкеллер”, после посещения которого можно переночевать в городе либо вернуться домой».

Если заказ на перевод разместили частные клиенты-туристы, для которых важно найти для себя оптимальный маршрут для похода в другой стране, то стратегия перевода будет иной, здесь важно сохранить аутентичность топонимов для максимально комфортного ориентирования на местности. В этом случае переводчик может «наслоить» текст перевода пояснением или дублированием варианта перевода, а также сохранением аутентичного наименования на исходном языке:

Перевод 2. «Двухдневный поход стартует в деревне Хаслау-на-Дунае (*Haslau an der Donau*). Отсюда участники проделают путь через национальный парк Донау-Ауэн (*Donau Auen*), Эллендervalд (*Ellender Wald*) и городок Гёттлесбрун (*Göttlesbrunn*) и дойдут до города Брук-на-Лайте (*Bruck an der Leitha*). Для достойного завершения дня прекрасно подойдет уютный ресторан “Харрахкеллер” (*Harrachkeller*), посетив который, можно либо переночевать в городе, либо вернуться домой».

Проиллюстрированные переводческие решения говорят в пользу такой отличительной особенности переводческого действия как ситуативная обусловленность, влияющая на неоднозначность перевода урбанонимов.

Выводы

В заключение укажем, что невозможность перевода всегда противостоит его необходимости, и вариант перевода не может быть случайным или продиктованным внутренним ощущением переводчика. Переводчик, в первую очередь, – эксперт коммуникации, способный грамотно оценить конвенции конкретного переводческого задания. Выбор переводческого решения для урбанонимов требует комплексного анализа дискурсивных параметров ситуации, заказа, текста и самого языкового знака – урбанонима. Оптимальный вариант перевода определяется на основе оценки этих параметров с целью обеспечения адекватного культурного трансфера.

Проблема перевода урбанонимов возникает лишь в случае недостаточной профессиональной компетенции переводчика или отсутствия глубокого понимания дискурсивных параметров, необходимых для осуществления точного межкультурного обмена.

Список литературы

- Александрова Е.В.* Специфика перевода русскоязычных топонимов на английский язык в сфере туризма (на примере топонимов Мурманской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 5. – С. 181–186.
- Галактионова Н.А.* Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионоведение. – 2016. – № 1 (94). – С. 152–163.
- Голомидова М.В.* Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 11–30.
- Гуреева А.А.* Маркетинговая функция текстов территориального брендинга // Homo Loquens (вопросы лингвистики и транслятологии): сборник статей. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2018. – Вып. 11. – С. 41–49.
- Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. – Москва: Р. Валент, 2001. – 198 с.
- Ермолович Д.И.* Имена и названия в переводе // Мосты: журнал переводчиков. – 2004. – № 1. – С. 31–35.
- Ермолович Д.И.* Основания переводоведческой ономастики: дис. д-ра филол. наук: 02.10.20. – Москва: МГЛУ, 2005. – 317 с.
- Ильин Д.Ю.* Региональные топонимические названия в туристическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языковедение. – 2016. – Т. 15, № 4. – С. 152–158.
- Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 2002. – С. 212–213.
- Митягина В.А., Наумова А.П.* Урбанистический метадискурс: город как субъект коммуникации // Homo Loquens (вопросы лингвистики и транслятологии): сборник статей. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2021. – Вып. 14. – С. 95–106.
- Новикова Э.Ю.* Перевод туристических текстов: вопросы теории и методики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языковедения и педагогики. – 2019. – № 3. – С. 40–48.

- Новожилова А.А., Королькова С.А. Эффективность систем машинного перевода в урбанистическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 87–98.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Наука, 1988. – 187 с.
- Предложения Топонимической комиссии Санкт-Петербурга по принципам и правилам транслитерации и перевода на английский язык названий объектов городской среды Санкт-Петербурга для размещения на информационных носителях [Электронный ресурс]. – URL: https://utr.spb.ru/info/Торо_%D0%A2%D0%9A_061115_1.pdf (дата обращения: 08.11.2024).
- Разумов Р.В. Об упорядочивании ономастической терминологии // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 14–19.
- Соловьев А.Н. Урбаноним как ономастический термин: постановка проблемы // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. – 2018. – Т. 25. – С. 198–203.
- Судиловская В.Г., Козловская В.Н. Урбанонимы как переводческая проблема // Лексикографическая копилка: сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. – Вып. 12. – С. 49–62.
- Шмелёва Т.В. Горожанин как читатель // Филологический дискурс: Вестник Института гуманитарных наук. ТюмГУ. – 2012. – Вып. 10: Город как культурное пространство. – С. 7–11.

References

- Alexandrova E.V. *Translating Russian Place Names for Tourism Industry (the Case of Murmansk Region)*. In: Bulletin of Nizhny Novgorod univ., named after N.I. Lobachevsky. 2020. N. 5. Pp. 181–186. (In Russian)
- Galaktionova N.A. *Sociocultural Image of the Region Through the Prism of Toponymic Policy (case of Tyumen and Naberezhnyje Chelny)*. In: Regional studies. 2016. N 1 (94). Pp. 152–163. (In Russian)
- Golomidova M.V. *Urbanonyms as a Resource of Management of Urban Space Perception*. In: Communication Studies. 2019. Vol. 6, N. 1. Pp. 11–30. (In Russian)
- Gureeva A.A. *Marketing Function of Place Branding Texts*. In: Homo Loquens (Aspects of linguistics and translation studies): collection of articles / Volgograd State University; Institute of Philology and Intercultural Communication, Department of Translation Theory and Practice; editor-in-chief: V.A. Mityagina. Volgograd: Volgograd State University. 2018. Iss. 11. Pp. 41–49. (In Russian)
- Ermolovich D.I. *Proper Names at the Crossroads of Languages and Cultures: Borrowing and Transfer of Proper Names From the Point of View of Linguistics and Translation Theory*. Moscow: R. Valent, 2001. 198 p. (In Russian)
- Ermolovich D.I. *Names and Titles in Translation*. In: Bridges: Journal for Translators. 2004. N 1. Pp. 31–35. (In Russian)
- Ermolovich D.I. *Foundations of Translation Onomastics: Thesis for a Doctor's of Philology*: 02.10.20. Moscow: MSLU, 2005. 317 p. (In Russian)
- Ilyin D.Yu. *Regional Toponyms in Tourism Discourse*. In: Science Journal of Volgograd State University. Ser 2: Linguistics. 2016. Vol. 15, N. 4. – Pp. 152–158. (In Russian)
- Lotman Yu.M. *Symbolism of St. Petersburg and Problems of the Semiotics of the City*. In: History and Typology of Russian Culture. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. 2002. Pp. 212–213. (In Russian)

- Mityagina V.A., Naumova A.P. *Urban Metadiscourse: City as a Subject of Communication*. In: Homo Loquens: (Aspects of linguistics and translation studies): collection of articles / Volgograd State University; Institute of Philology and Intercultural Communication, Department of Translation Theory and Practice; editor-in-chief V.A. Mityagina. Volgograd: Volgograd State University, 2021. Iss. 14. Pp. 95–106. (In Russian)
- Novikova E.Yu. *Tourism Text Translation: Theory, Approach, Teaching Methods*. In: Bulletin of Perm' National Research Polytechnical University. Linguistic and Pedagogical Aspects. 2019. N 3. Pp. 40–48. (In Russian)
- Novozhilova A.A., Korol'kova S.A. *Efficiency of Machine Translation in Urban Discourse*. In: Science Journal of Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics. 2021. Vol. 20, N. 3. Pp. 87–98. (In Russian)
- Podol'skaya N.V. *Dictionary of Russian Onomastic Terminology* / chief ed. A.V. Superanskaya; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Nauka, 1988. 187 p. (In Russian)
- Proposals of the Toponymic Commission of St. Petersburg on the Principles and Rules of Transliteration and Translation into English of the Names of Objects of the Urban Environment of St. Petersburg for Placement on Information Carriers*. – URL: https://utr.spb.ru/info/Topo_%D0%A2%D0%9A_061115_1.pdf (accessed: 10.11.2024). (In Russian)
- Razumov R.V. *On Regulating Onomastic Terminology in the Field of Urbanonymy*. In: Verhnevolzhski philological bulletin. 2015. N 2. Pp. 14–19. (In Russian)
- Solovijev A.N. *Urbanonym as an Onomastic Term: Statement of the Problem*. In: Scientific notes of Vitebsk State University named after P.M. Masherov. 2018. Vol. 25. Pp. 198–203. (In Russian)
- Sudilovskaja V.G., Kozlovskaja V.N. *Urbanonyms as a Translation Problem*. In: Lexicographic Collection: A Collection of Scientific Articles. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Economic University. 2022. Iss. 12. Pp. 49–62. (In Russian)
- Shmelyova T.V. *A City Dweller as a Reader*. In: Philological Discourse: Bulletin of the Institute of Humanities, Tyumen' State University. 2012. Iss. 10: The City as a Cultural Space. Pp. 7–11. (In Russian)

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

INTERSEMIOTIC TRANSLATION

УДК: 165.6 + 81–114.2

DOI: 10.31249/perevod/2025.02.05

БРАЗГОВСКАЯ Е.Е.*

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ АКТУАЛИЗАЦИИ АБСТРАКЦИЙ

Аннотация. В статье представлена новая точка зрения на процесс межсемиотического перевода. На материале польскоязычного рассказа Я. Ивашкевича «Sérénité» я рассматриваю двухуровневую серию знаковых трансформаций. Сначала это репрезентация концептуальной идеи 'sérénité' в последовательности кореферентных знаков: французской лексеме, одноименной картине А. Мартена и произведениях Ф. Шопена. Далее – варианты перевода *sérénité* на польский язык, внутриязыковые дескрипции понятия и вербальные экфрасисы несловесных текстов. Когнитивно-семиотический анализ позволяет уточнить природу межсемиотического перевода: а) экфрасис – не результат прямой трансформации невербального в вербальное, а текст со скрытой полилингвальностью; б) экфрасисы возникают как нарративный инструмент визуализации абстракций.

Ключевые слова: межсемиотический перевод; визуализация абстракций; экфрасис; иконизм и символическая репрезентация; скрытая полилингвальность.

Для цитирования: Бразговская Е.Е. Межсемиотический перевод как инструмент актуализации абстракций // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 2. – С. 50–64. – DOI: 10.31249/perevod/2025.02.05

BRAZGOVSKAYA E.E.**

INTERSEMIOTIC TRANSLATION AS A TOOL FOR ACTUALIZATION OF ABSTRACTIONS

Abstract. This article presents a fresh perspective on the intersemiotic translation process. I examine a two-level set of semiotic transformations using the content of J. Iwaszkiewicz's story

* **Бразговская Елена Евгеньевна** – доктор филологических наук, профессор факультета мировых языков и культур РХГА им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург); профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; elena.brazgowska@gmail.com

© Бразговская Е.Е., 2025

** **Brazgovskaya E.E.** – Doctor of Philology, Professor of Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, St. Petersburg, Russia; Professor of General Linguistic Department, Perm' State Humanitarian Pedagogical University ; elena.brazgowska@gmail.com

"Sérénité" in Polish. First, it is a sequence of coreferential signs that represent the conceptual idea of 'sérénité': the French lexeme, the painting by A. Martin of the same name and the pieces by F. Chopin. The second level includes the variants of translating *sérénité* into Polish, intralingual descriptions of this concept and the verbal ekphrasis of non-verbal texts. Due to cognitive-semiotic analysis I can clarify the nature of intersemiotic translation: a) ekphrasis is not the result of a direct transformation of the non-verbal into the verbal, but a text with hidden multilingualism; b) ekphrasis arises as a narrative tool for visualizing abstractions.

Keywords: intersemiotic translation; visualization of abstractions; ekphrasis; iconism and symbolic representation; latent multilingualism.

For citation: Brazgovskaya E.E. Intersemiotic Translation as a Tool for Actualization of Abstractions // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 2. – P. 50–64. DOI: 10.31249/perevod/2025.02.05

Постановка проблемы, методологические основания и материал исследования

Основное направление данной работы и ее цель связаны с двумя, на первый взгляд, не пересекающимися проблемами: механизмом межсемиотического перевода и возможностью обращаться к этому виду знаковых трансформаций как к стилистическому инструменту визуализации концептов культуры.

Вслед за Р. Якобсоном теоретики перевода выделяют три вида перекодирующей интерпретации: внутриязыковую, межъязыковую и межсемиотическую, где знак, соответственно, толкуется через знаки «своего» языка, другого вербального языка или знаки иных семиотических систем [Jakobson, 2000, p. 114]. Основанием всех видов перевода выступает пирсовский семиозис, поскольку метатекстовая практика есть обязательное условие существования любых текстов культуры. Как правило, анализ межсемиотических трансмутаций ограничен вопросом о возможностях и границах переводимости между вербальными и невербальными сообщениями [Translation Matters, 2019; The Handbook of Multisensory Processes, 2004; Translating Across Sensory and Linguistic Borders, 2018; Clüver, 1998]. Я же буду исходить из положения о том, что процессами перекодирования между языками разносемиотической природы обеспечивается также когнитивная операция, связанная с интерпретацией концептуальных единиц словаря [Лотман, 2010, с. 17; Автономова, 2008]. В частности, речь пойдет о том, что познание абстрактных объектов, представленных в памяти культуры в виде системы понятий, может осуществляться через их актуализацию в форме экфрасисов визуальных и аудиальных текстов (живописи и музыки).

Непосредственным предметом моего внимания станет семантическое пространство французской лексемы *sérénité*. В философском ландшафте Западной Европы соответствующее ей понятие связано с медитативно-мистическими познанием бытия и Бога и тем состоянием сознания, в котором человек осмысляет приближение смерти. На материале одно-

именного рассказа Ярослава Ивашкевича¹ («*Sérénité*») я представлю возможности визуализировать значения этой концептуальной единицы в процессах различных видов перевода.

Рассказ был опубликован как третья часть стилистически совершенного триптиха «Сны. Сады. Безмятежность» («*Sny. Ogrody. Sérénité*») [Iwaszkiewicz, 1974]. Семантическая тональность повествования предопределена его ретроспективным и автореферентным характером. Композицию нарратива составляют четыре письма, которые восьмидесятилетний человек формально адресует своей давней возлюбленной – «дорогой пани Агате». В действительности же текст репрезентирует психологическое состояние рассказчика, пожилого человека (нет сомнений, самого Ивашкевича), метафизически осмысляющего близкую смерть.

Этапы когнитивно-семиотического исследования будут выстраиваться в соответствии с использованными Ивашкевичем способами интерпретации идеи '*sérénité*'. Система этих инструментов может быть описана как фрагмент двухуровневого семиозиса. Само концептуальное представление (*sérénité* как недвижимый покой) выступает референтом, который на первом уровне репрезентации сначала отображается в лексеме французского языка (Ивашкевич сохраняет ее написание) и кореферентных ей текстах иных семиотических модальностей – в одноименной картине Анри Мартена и сочинениях Фридерика Шопена и Габриэля Форе. На втором уровне репрезентации Ивашкевич использует все три вида перевода:

– поиск лексических эквивалентов *sérénité* в польском языке (межязыковой перевод);

– серии объясняющих это понятие дескрипций (внутриязыковая интерпретация). Здесь же отмечу и внутритекстовую интерпретацию *sérénité*, имплицитным инструментом которой выступает характер композиции и сюжета;

– а также вербальные экфрасисы несловесных текстов. В качестве межсемиотических переводов экфрасисы становятся наиболее значимым инструментом раскрытия исходной идеи, в буквальном смысле выполняя в нарративе роль ее эпифаний. В этот фрагмент семиозиса следует включить и «обратный» перевод экфрасисов, который осуществляется уже читателем, создающим ментальные образы картины и звучащей музыки.

Новизна работы связана с уточнением понятий «экфрасис» и «межсемиотический перевод» с точки зрения когнитивной семиотики. В заключительной части статьи я показываю, что этот вид трансформаций нельзя понимать как непосредственное перекодирование невербального законодателя в вербальный, поскольку экфрасис функционирует как текст со скрытой полилингвальностью, и в его интерпретации мы задействуем

¹ Ярослав Ивашкевич (1894–1980) – польский поэт, писатель, пианист, композитор, музыковед. Перечисляя области его профессиональных занятий, я не могу ни одну из них поставить на первое место. – *Прим. авт.*

неразрывную дополнительную разносемиотических модальностей. К тому же интерпретация экфрасиса предполагает обязательное присутствие (пусть и в качестве ментального образа) исходного текста-источника, тогда как сущность межъязыкового перевода – замена референта.

О возможностях вербальной интерпретации концепта ‘sérénité’¹

Исходный семантический ресурс идеи sérénité составляют латинские лексемы *serenitas*, *serenus*, семантическое пространство которых связано с представлениями о ясности, чистоте, свете, безмятежности – атрибутами цвета, погоды, состояния духа. Французская культура XX века сделала ‘sérénité’ важнейшей эстетической категорией, положившей начало философии жизни. В рамках этого дискурса был сформирован особый стиль мышления, связанный с мистически проникновенной радостью познания Бога и бытия, своей самости, практикой медитативных ритуалов, состояниями умиротворенности, безоблачности и прозрачности мысли. Весь этот спектр значений отмечается словарями в соответствующей французской лексеме – имени концепта [Бразговская, 2016; Dictionary of Untranslatables, 2014]. Для Ивашкевича же более значимыми стали ее маргинальные семантические обертоны, отсылающие к стилистике ретроспективных размышлений человека, остро переживающего одиночество позднего возраста, осознание неизбежности своего ухода.

Sérénité – знак ментальной и стилистической идентификации Ярослава Ивашкевича. В корпусе его текстов это слово зафиксировано уже в раннем периоде творчества: в письме к жене, датированном 26 марта 1925 г., в рассказах «Hilary, syn buchaltera» (1924), «Zmowa męzczyzn» (1930), «Pasje błędmierskie» (1938). За этим знаком сразу же закрепился шлейф тональности, в которой будут звучать практически все тексты автора: пантеистическое единство с миром и принятие конца физического существования. Но только одноименный рассказ, написанный 86-летним писателем, сделал эту лексему его «авторским знаком», который после смерти писателя, подобно семантическому шлейфу, сопровождает восприятие практически всех его текстов².

Герой повествования, как и сам Ивашкевич, медитирует над неопределенностью значений слова, которым определяет свое ментальное состояние:

¹ Концепт понимается мною как философская идея, получающая актуализацию в истории культуры – ее вербальных и невербальных текстах. Приращение значений лексемы (имени концепта) я рассматриваю как процесс ее концептуализации. – *Прим. авт.*

² Это замечание имеет особую важность для переводчиков Ярослава Ивашкевича. – *Прим. авт.*

Największy kłopot jest w tym, droga pani Agato, że nie mogę pani przetłumaczyć tego słowa "sérénité". Oznacza ono łagodną pogodę zewnętrzną i wewnętrzne rozjaśnienie, uspokojenie... tak, chyba najlepiej będzie "uspokojenie", tylko że sérénité nie zakłada żadnego niepokoju uprzednio... [Iwaszkiewicz, 1974, s. 84].

Проблема в том, дорогая пани Агата, что я не могу перевести вам это слово *sérénité*. Оно означает мягкость и спокойствие окружающего мира и одновременно внутреннюю проясненность и успокоение... да, наверное, лучше всего подходит «успокоение», с той только разницей, что *sérénité* изначально не предполагает никакой тревоги...¹

В попытках перевода французской лексемы через ряд польских синонимов сразу же обнаруживается асимметрия. Французское слово *sérénité* и польское *spokój* («покой») замещают разные понятия: в польском, как и во всех европейских языках, *покой* осознается только в противопоставлении с *непокоем*, тогда как переживаемое героем состояние близко к ощущению неизменной вечности. *Sérénité* – покой, пришедший к человеку в конце жизни, результат отстраненности от боли, несправедливости, горя, но также и от ярких мгновений счастья. Успокоение становится логическим итогом жизни, точкой, в которой человек готовится перейти в бесконечность небытия. В этой точке возникает «принятие всего» (*akceptacja wszystkiego*) как вариация на тему Николая Кузанского: каждая отдельная жизнь – часть неведомого нам божественного плана, и все противоположности движутся к неизбежному слиянию в Едином.

Для будущего переводчика этого рассказа² замечу, что его основная сюжетная линия – это буквально поиск адекватного соответствия понятию *sérénité*. Ввиду невозможности найти польское слово, экстенционал которого был бы идентичен знаку французского языка, рассказчик на протяжении всего повествования предлагает лексические, дескриптивные и даже нарративные соответствия для его отдельных сем:

– «печаль» или «грусть» (*smutek*), вызванные умиранием и исчезновением вещей. Печаль и грусть – это статичный эмоциональный контекст, в котором пожилой человек собирает события своего прошлого. Печаль неизменна, ей никогда не предшествует радость («понятие счастья – примитивное и недостойное человека понятие»), и она никогда не вырастет до страдания;

– отстраненность от всего внешнего («я не боюсь быть слишком внутри себя»); отказ от сопереживания, от боли и страданий, но также от

¹ Здесь и далее фрагменты всех польскоязычных текстов Я. Ивашкевича даются в моем переводе. – Прим. авт.

² Единственный перевод «Sérénité» на русский язык принадлежит Г. Языковой (1973). – Прим. авт.

радости и счастья; отсутствие эмоциональной реакции на события настоящего и прошлого. Здесь отстраненность приближается к «великому безразличию Бога», о котором, вслед за Декартом, говорит М. Мамардашвили [Мамардашвили, 1999, с. 32];

– интенсивность ощущения каждой минуты. Для рассказчика в равной степени интенсивны покой, зелень швейцарского парка, воспоминания. Интенсивность понимается как победа над временем, поскольку не имеет отношения к однократности, мгновенности, недолговечности ощущений, но, напротив, рождает эффект их постоянства;

– спрессованность времени, слитность всего существующего: все пройдет и станет чем-то, что не имеет ни формы, ни цвета, ни динамики развития. В этом контексте рассказчик цитирует по-французски слова св. Терезы Авильской («пусть ничто тебя не тревожит... все пройдет. Неизменен лишь Бог»), сближая состояние 'sérénité' с вневременностью Бога;

– принятие всего, что случилось и что еще может произойти, включая смерть, согласие с миром (*akceptacja, zgoda*).

В финале рассказа звучит еще одна попытка поставить это словопонятие (т.е. вновь перевести через выбор контекстуального синонима) в один ряд с Богом и Ничто:

*I nie wiem, kto mnie przyjmie na swoje łono: nicość, materia czy Bóg...
I właśnie ... w tej świadomości, że będziemy spali w nieziennej nicości, jest
obraz zachwycającej sérénité* [Iwaszkiewicz, 1974, s. 125].

Не знаю, кто, в итоге, примет меня в свое лоно – Ничто, материя или Бог... Но проникновенный образ безмятежности, *sérénité* заключен в осознании того, что мы будем спать в некоем неизменном Ничто.

Композиция рассказа – инструмент внутритекстовой интерпретации *sérénité* на уровне нарратива. Это четыре неотправленных письма как зеркало ассоциативного механизма памяти. Отправной точкой воспоминаний рассказчика становятся репродукция картины А. Мартена, интенсивная зелень швейцарского парка, музыка, когда-то давно, в юности, звучавшая в украинской усадьбе. Сюжет повествования, раскручиваясь в прошлое, постоянно пребывает в минуте настоящего. Вневременность и статика сюжета есть имплицитный знак *sérénité*, транслирующий его «проникновенный образ».

Осознавая неудачу множественных попыток внутриязыковой интерпретации этой концептуальной единицы, Ивашкевич допускает ее невербализуемость: «Я не могу перевести Вам, не могу описать, это невозможно понять, *sérénité* столь же совершенно в своей непознаваемой красоте, как $\sqrt{1}$ ». По ассоциации вспомню здесь положение М. Мамардашвили о подобных неопределяемых объектах:

... что бы мы ни думали о Боге и как бы ни размышляли о смерти, они остаются для нас столь же непонятными, как и в начале размышления [Мамардашвили, 1999, с. 33].

Семиотической причиной этого когнитивного феномена является произвольность знака – формально-конвенциональная связь слова и референта. Слово *sérénité*, как, впрочем, и любая единица словаря, ничем не похоже на замещаемый объект и функционирует как, прежде всего, индекс абстракции.

Увидеть невидимое: о стилистическом потенциале межсемиотического перевода

В истории культуры репрезентация абстрактных объектов – идей, ментальных состояний – неизбежно связана с выходом из вербального языка в пространство знаковых систем другой семиотической природы. Возможно, у истоков рождения искусств стояло интуитивное осознание того, что изобразительный потенциал словесного языка имеет серьезные ограничения. Связь слова и его референта предуготована конвенцией (исключение касается только звукоподражаний), и если мы хотим объяснить, например, сущность понятия *Небытие*, то слово лишь укажет на него, ничего при этом не выражая. Кажется, что в случае с референтами абстрактной природы то же будет и с языками живописи и музыки: поскольку и они не в силах визуализировать ненаблюдаемое. В буквальном смысле, да. Однако эти невербальные системы способны создать эффект присутствия абстрактного объекта, поскольку в законосителях иконической природы можно «повторить» его сущностные черты. Даже если музыка репрезентирует не сам референт, но только характер и траектории его движения, то и этого будет достаточно, чтобы «показать», например, рождение мира из Небытия и Ничто (начало оратории Й. Гайдна «Сотворение мира», где из звукового хаоса-облака начинают вырисовываться фрагменты мелодических линий и отчетливые гармонические последовательности).

Живопись и особенно музыка более, чем словесный язык, подходят для погружения в метафизику, поскольку позволяют соприкоснуться с иным измерением жизни, создавая эффект материализации идеальных объектов – их эпифании¹. Так в культуре возникают образы «невыразимого». С одной стороны, их можно определять как иконические знаки. Однако свою функцию отображения абстрактных предметов они выполняют только в том случае, если наблюдатель прочитывает эти невербальные тексты

¹ Эта аксиома – одна из тем книг М. Ямпольского «Сквозь тусклое стекло» и Ж.-Л. Марьона «Перекрестья видимого» [Ямпольский, 2010; Марьон, 2010].

как символы, закононосители которых «намекают», что изображенное отсылает к идеальным сущностям¹.

Всем пишущим, отмечает Ивашкевич, известно о существовании слов, которые, как ключи, открывают пространство воспоминаний, пропавшее времени [Iwaszkiewicz, 1974, s. 7]. Память рассказчика хранит несловесные тексты, которые, репрезентируя идею *sérénité*, отображают ее «иконически» – вернее, создают эффект «присутствия» абстракции, работая как аттракторы, улавливающие вневременные смыслы. Идею недвижимого покоя и принятия судьбы Ивашкевич визуализирует в экфрасисах одноименной картины французского художника Анри Мартена (1860–1943) и произведений Ф. Шопена, Г. Форе, Р. Вагнера. Для рассказчика (пана Август) и самого автора это тексты, входящие в одну парадигму с лексемой *sérénité*. Но, в отличие от слова, они не просто индексируют идею совершенного покоя, но проявляют ее в своей материи.

Предварительно отмечу (далее это положение будет уточняться), что экфрасисы возникают как результат межсемиотического перевода, когда объекты с визуальными или аудиальными носителями информации (картины, музыка) замещаются вербальными текстами. Однако сам по себе экфрасис никогда не был целью стилистических опытов Ярослава Ивашкевича. Более того, он, например, многократно отмечал непереводаемость музыки:

У Габриэля Форе форма звуковой материи неуловима для разума.

То, что составляет сущность музыки Шопена, не может получить воплощение ни в каком другом языке. Слушая Шопена, мы размышляем, в чем его магия, и раз за разом вынуждены сказать себе: эта музыка находится за границей словесных определений. Писать о музыке как таковой – безнадёжное занятие. Ее надо просто слушать, так же, как и на картину – только смотреть².

Его опыты вербализации визуальных текстов и музыки имеют отчетливую когнитивную задачу: позволить читателю увидеть «глазами сознания» ряд невербальных текстов, за которыми встает идея ‘*sérénité*’, а значит «увидеть» ее саму. Так:

...музыка наполнена облаками и деревьями, неопределенностью форм, стремлением удержать бытие, которые может выразить лишь она³.

¹ Вопросы когнитивного потенциала иконических репрезентаций в искусстве (так называемого «нового иконизма») рассматриваются в Предисловии к журнальному выпуску «Межсемиотический перевод и проблемы мультимодальности» [Translation Matters, 2019] и в монографии [Бразговская, 2018]. – *Прим. авт.*

² Авторский перевод дается по изданию: [Iwaszkiewicz, 2010, s. 10, 17, 109].

³ Авторский перевод дается по изданию: [Iwaszkiewicz, 1974, s. 8]. Здесь Ивашкевич пишет о песне Р. Вагнера «Die Träume» [Iwaszkiewicz, 1974, s. 8]. – *Прим. авт.*

Вот несколько примеров, которые я даю в свободном переводе.
Пан Август пишет:

У Анри Мартена есть картина, которую он назвал «Sérénité»¹. Кажется, я не видел оригинал, но хорошо помню репродукции в виде открыток. Прежде всего, «Sérénité» поражает своим колоритом. Интенсивно-зеленый лес и человеческие фигуры, нагие или в полупрозрачных, струящихся и похожих на облака одеяниях. Одни ведут неспешные беседы, другие медленно с лирами в руках возносятся к прозрачному светящемуся небу. <...> Все они уже стали ничем – сном, ясной тенью...²

Рис.
Анри Мартен. Sérénité

Для Ивашкевича этот визуальный текст (рис.) транслирует состояние неизменного медитативного покоя: отсутствие забот, тревог, ожиданий, восторга, будущего – всего того, что в нашем мире имеет «вес», заставляя человека страдать или, напротив, переживать радость и счастье. Сидящие на земле человеческие фигуры благоговейно смотрят на тех, кто медленно возносится к небу. Тела и тех и других уже не подчиняются

¹ «Sérénité» – картина французского художника Анри Мартена (1899). Хранится в коллекции Музея Орсе в Париже. Считается, что Мартен создавал ее как иллюстрацию к «Энеиде» Вергилия, изображая Элизиум, Елисейские поля, где в вечном покое и блаженстве пребывают после смерти души праведников: воинов, сложивших головы за отечество; жрецов, сохранивших в земной жизни целомудрие; поэтов и философов, облагородивших мир красотой мысли. – *Прим. авт.*

² Авторский перевод дается по изданию: [Iwaszkiewicz, 1974, s. 84].

законам ньютоновского тяготения: в полном смысле это бестелесные формы. Невесомые, они парят в пространстве. Белые одеяния живут собственной жизнью, не облегая и не очерчивая бестелесные формы. Кажется, что устремленность вверх затрагивает и стволы деревьев.

И все же более подходящим языком для размышлений о невыразимом Ивашкевич считал музыку. Не связанный напрямую с репрезентацией пространственных образов физического мира, этот язык изначально метафизичен. Музыка постоянно возникает в размышлениях пана Августа как инструмент эмоциональной актуализации недвижимого покоя, *sérénité*. В печали Шопена, магических звучаниях Г. Форе, концерте d-moll И. Брамса, песнях Р. Вагнера и Г. Малера он открывает сущность успокоения и отречения от самой жизни. О «метафизической подкладке», которая обнажается в музыке Шопена, Ивашкевич пишет и в ряде музыковедческих работ, объединенных в сборник «Dziadictwo Chopina i inne szkice muzyczne» («Наследие Шопена и другие музыкальные наброски»):

Слушая Шопена, мы входим в Ничто, растворяясь в нем. В Баркароле лодка плывет по чернильной глади воды, а в это время наша душа обретает свободу от тела, и тогда смерть перестает нас страшить¹.

Межсемиотический перевод: все сложнее, чем кажется

С когнитивно-семиотической точки зрения, межсемиотические трансформации и экфрасис как их результат являются «не совсем тем», к чему мы привыкли. Я выскажу ряд сомнений в иконической природе экфрасисов и в том, что межсемиотический перевод – это действительно перевод, перекодирование, или процесс, сущность которого актуализируется внутренней формой латинского глагола *traducere* – «выводить вовне, за пределы».

В узком смысле экфрасис определяется как вербальное *описание* визуального объекта: преимущественно произведения искусства – картины или фотографии. Это понимание уже давно расширено до словесной репрезентации любого невербального текста, включая танец, музыку, артефакты природного мира [Dictionary of untranslatables, 2014, p. 205; Killander, 2014; Klarer, 2005]. В экфрасисах, если исходить из целевой установки этого жанра («повторить» несловесный текст, воссоздав его в слове), должна доминировать иконическая составляющая. Однако обладает ли вербальный язык возможностями такого вида репрезентации? Действительно ли можно «рисовать» словами, создавая текст, «похожий» на картину или звучащую музыку?

¹ Авторский перевод дается по изданию: [Iwaszkiewicz, 2010, s. 10].

В этом контексте приведем небольшое размышление о репрезентативных возможностях экфрасиса как вербального носителя информации. Конечно, словесный язык есть поистине «гравитационный центр нашей культуры» [Steiner, 2012, p. 21]. Однако слово – знак, прежде всего, индексальный. В описании картины Анри Мартена лексемы не «повторяют» цвет деревьев (интенсивно-зеленый), неба (светящееся) или одеяний (полупрозрачные), не воспроизводят характер движения фигур (медленно возносились) и др. Слова лишь указывают на все это, задавая направление мысли. Линейная природа синтаксиса вербального языка не позволяет создать эффект одномоментного восприятия всего изображения, как это происходит при непосредственном восприятии картины. В словесном тексте информация о пространственной композиции изображенного дается порциями, фрагментарно: фигуры, находящиеся на земле и возносящиеся к небу, цвет их одеяний, колорит леса и неба. Чтение экфрасиса уподобляется игре в пазлы, где целое собирается из отдельных фрагментов. Конечный (для каждого акта интерпретации) образ зависит от того:

- какие конкретно представления о лесе, небе, бестелесных фигурах в полупрозрачных одеяниях и др. мы извлекли из своей памяти;
- насколько все они детализированы, или мы представляем их достаточно схематично;
- какую композицию визуального текста (целостный пространственный образ, гештальт) нам удалось составить из этих фрагментов;
- сколько органов чувств было задействовано в конструировании этого ментального образа (картину мы видим / слышим / воспринимаем тактильно и обонятельно).

Кроме того, вербальное описание картины «Sérénité» переводит статичное изображение в режим временного измерения. Рассказчик отмечает, например, что фигуры на картине медленно с лирами в руках *возносятся* к прозрачному светящемуся небу, а ведь на картине навечно застыл лишь момент их движения.

Экфрасис музыки в еще меньшей степени является ее иконическим знаком, нежели вербализации визуальных текстов. Дело в том, что референтами музыки являются абстракции различных типов движений, среди которых подразумеваются пространственные перемещения физических тел, звуки физического мира, эмоциональные процессы-состояния и др. Все эти виды движений даны слушателю в отрыве от того, кто их совершает: песня птицы – вне самой птицы, состояние грусти – вне того, кому грустно. Ставя перед собой задачу вербализации музыки, мы не можем даже индексировать ее референт, как это происходит с визуальным источником [Бразговская, 2018, с. 144; Бразговская, 2021]. В итоге экфрасис музыки – это вербализация ментального образа, который сопровождает в нашем сознании ее восприятие, а не самого звучащего текста. Здесь истинный референт отображения – внутреннее «я» субъекта. Разве следую-

щие фрагменты можно определять как вербализацию шопеновской Баркаролы?

Стоит только услышать Шопена, и открывается пространство тоски по Раю, из которого нас изгнали, по невозможности сделать идеальное реальным.

С Шопеном связаны чудесные ощущения всеильности и всеохватности Бога и нашего единения с Ним¹.

Читаем у Ивашкевича:

Каждый, кто пробует вербализовать слышимое, должен осознавать, что в итоге он начинает говорить не о музыке, а о себе самом – физиологии или психологии слушающего, или создает нечто, что определяется как философия музыки². Вот почему я восхищаюсь смелостью каждого акта ее словесной интерпретации³.

Но тогда почему мы считаем экфрасисы *описанием*? Почему экфрасис действительно работает как *картина* той картины, которую мы «видим» в сознании? Ведь мы действительно видим ее внутренним зрением – вернее, видим ее образ, ментальный конструкт. Определяя экфрасис как исключительно *вербальный* текст, мы значительно редуцируем, упрощаем когнитивный механизм его возникновения. Формально экфрасис обладает вербальным носителем информации, но в реальности это текст, при восприятии которого используется несколько семиотических модальностей. Мы видим и слышим те референты, к которым индексально обращен, например, вот этот словесный комментарий Ивашкевича:

...гармонический фон Баркаролы (Шопена), благодаря плотности звучания, видится мне как темно-зеленые заросли, а пять аккордов, словно острый луч, пронзают вуаль облаков... в этой музыке представлен весь спектр зеленого: от темно-зеленых зарослей ее аккомпанемента до прозрачного зеленого цвета, в который обернута мелодия и который, как пелена или плащ, словно накинут на всю композицию⁴.

Получается, что экфрасис относится к мультимодальным текстам, вернее, текстам со скрытой полилингвальностью, в ходе интерпретации

¹ Авторский перевод дается по изданию: [Iwaszkiewicz, 2010, s. 9]

² Примером этого является следующее замечание Я. Ивашкевича: Мазурка Шопена существует в Вечности, подобно совершенной математической комбинации [Iwaszkiewicz, 2010, s. 117]. – *Прим. авт.*

³ Авторский перевод дается по изданию: [Iwaszkiewicz, 2010, s. 13].

⁴ Авторский перевод дается по изданию: [Iwaszkiewicz, 2010, s. 11, 13].

которых наше сознание работает как некий «внутренний театр» (С. Пинкер), где за вербальным текстом встает ментальный образ невербального референта. Дополнительность разносемиотических систем уподобляет вербальный текст палимпсесту, где слово существует словно поверх других языков. И это, в свою очередь, заставляет меня усомниться в том, что экфрасис является результатом межсемиотического перевода – непосредственной трансформации визуального (или другой модальности) объекта в словесные знаки.

В когнитивно-семиотическом контексте термин Р. Якобсона – межсемиотические *трансмутации* – прочитывается в своем прямом значении. Сходные с алхимическими, они не являются непосредственным переводом, или заменой невербальных законосителей в вербальные, поскольку результатом таких процессов становится полилингвальный текст. А вот еще один довод. Если межъязыковой перевод допускает возможность чтения текста без соотнесения с оригиналом (т.е. является заменой), то в случае семиотических трансмутаций за спиной вербального экфрасиса обязательно встает образ его невербального референта. В этом смысле семиотические трансмутации не допускают замены оригинала переводом.

И последнее замечание. Опыты межсемиотических трансмутаций крайне значимы для культуры. Репрезентативный потенциал невербальных языков (живописи, музыки и др.) допускает иконическое отображение тех атрибутов реальности, которыми обладают и концептуальные (абстрактные) единицы культуры. Вот почему живопись и музыка в большей степени, нежели словесный язык, пригодны для метафизических размышлений. Так, на картине А. Мартена невесомость фигур (она выводится из траектории их движения к небу, из неприлегания одеяний к телам и др.) ассоциируется с идеей неизменного покоя ‘*sérénité*’: «они уже стали ничем – сном, ясной тенью». При этом визуальный текст буквально не может отобразить идеальный объект. Для ассоциативного перехода от физической материи к абстракции интерпретатор должен «повернуть» иконический знак (в музыке он всегда икона-схема) в сторону символического значения.

Но и на этом нельзя ставить точку. Картина Мартена, музыка Шопена – все это доступно человеку только в процессе их вербализации как части межсемиотической трансмутации. Здесь расширяется функция словесных экфрасисов: их задача – не столько стать семиотически достоверным знаком своих непосредственных референтов (картины, музыки)¹, сколько позволить читателю «проявить» невидимое. Так культура открывает для нас окно в сферу *sacrum*, приближая к тому, с чем мы никогда не соприкасаемся эмпирически. И **что** именно мы увидим, определяется тем, в **какую** вербальную форму это было воплощено.

¹ Эта задача недостижима по причине разниц репрезентативного потенциала вербальных и невербальных систем [Бразговская, 2018, с. 57–84].

Список литературы

- Автономова Н.С. Познание и перевод: Опыты философии языка. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 704 с.
- Бразговская Е.Е. *Sérénité*: рождение концепта // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2016. – № 10(32). – URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/3762> (дата обращения: 18.12.2024).
- Бразговская Е.Е. В лабиринтах семиотики: очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. – Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. – 224 с.
- Бразговская Е.Е. Экфрасис как семиотический эксперимент // *Критика и семиотика*. – 2020. – № 1. – С. 52–57.
- Бразговская Е.Е. Как мы слышим: когнитивно-семиотические заметки о восприятии музыки // *Человек. Культура. Образование*. – 2021. – № 1 (39). – С. 40–61.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. – 704 с.
- Мамардашвили М. Картезианские размышления. – Москва : Прогресс, 1999. – 352 с.
- Марьон Ж.-Л. Перекрестья видимого / пер. с фр. Н. Сосна. – Москва : Прогресс-Традиция, 2010. – 176 с.
- Ямпольский М. «Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 688 с.
- Cliver C. Quotation, Enargeia, and the Functions of Ekphrasis // *Pictures into Words: Theoretical and Descriptive Approaches to Ekphrasis*. – Amsterdam : Vrije Universiteit UP, 1998. – P. 35–52.
- Dictionary of Untranslatables: A Philosophical Lexicon* / Cassin B. (ed.); transl. by Rendall S. – Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2014. – 1339 p.
- The Handbook of Multisensory Processes* / Calvert G. (ed.). – Cambridge ; London : MIT Press, 2004. – 915 p.
- Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // *The Translation Studies reader* / ed. Venuti L. – London : Routledge, 2000. – P. 113–118.
- Iwazkiewicz J. *Sny. Ogrody. Sérénité*. – Warszawa : Czytelnik, 1974. – 124 s.
- Iwazkiewicz J. *Dziedzictwo Chopina i inne szkice muzyczne*. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 2010. – 445 s.
- Killander C., Lutas C.L. A New Look on Ekphrasis: An Eye-tracking Experiment on a Cinematic Example // *Ekphrasis. Images, Cinema, Theatre / Media*. – 2014. – N 12 (2). – P. 10–31.
- Klarer M. Ekphrasis // *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory* / ed. D. Herman. – London : Routledge, 2005. – P. 133–134.
- Steiner G. *The Poetry of Thought: From Hellenism to Celan*. – New York : New Directions Publishing, 2012. – 192 p.
- Translating Across Sensory and Linguistic Borders: Iintersemiotic Journeys Between Media* / M. Campbell, R. Vidal (eds.). – Edinburgh ; London : Palgrave Macmillan, 2018. – 468 p.
- Translation Matters: Special Issue: Intersemiotic Translation and Multimodality* / ed. K. Bennett. – 2019. – Vol. 1, Iss. 2. – 148 p.

References

- Avtonomova N.S. *Cognition and Translation: Essays on Philosophy of Language*. Moscow: ROSSPEN, 2008. 704 p. (In Russian)
- Brazgovskaya E.E. *Sérénité: The Birth of a Concept*. In: *Universum: Philology and Art Studies*. 2016. N 10 (32). – URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/3762> (accessed: 18.12.2024). (In Russian)

- Brazgovskaya E.E. *In the Labyrinths of Semiotics: Essays and Studies on General Semiotics and the Semiotics of Art*. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi Uchenyi, 2018. 224 p. (In Russian)
- Brazgovskaya E.E. *Ekphrasis as a Semiotic Experiment*. In: Criticism and semiotics. 2020. N 1. Pp. 52–57. (In Russian)
- Brazgovskaya E.E. *How We Hear: Cognitive-Semiotic Notes on the Perception of Music*. In: Human Being. Culture. Education. 2021. N 1 (39). Pp. 40–61. (In Russian)
- Lotman Yu.M. *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2010. 704 p. (In Russian)
- Mamardashvili M. *Cartesian Reflections*. Moscow: Progress, 1999. 352 p. (In Russian)
- Marion J.-L. *The Crossroads of the Visible* / transl. from French by N. Sosna. Moscow: Progress-Tradition, 2010. 176 p. (In Russian)
- Yampolsky M. “*Through a Dim Glass*”: *20 Chapters on Uncertainty*. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2010. 688 p. (In Russian)
- Clüver C. *Quotation, Enargeia, and the Functions of Ekphrasis*. In: Pictures into Words: Theoretical and Descriptive Approaches to Ekphrasis. Amsterdam: Vrije Universiteit UP, 1998. Pp. 35–52.
- Dictionary of Untranslatables: A Philosophical Lexicon* / transl. by S. Rendall; ed. B. Cassin. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2014. 1339 p.
- The Handbook of Multisensory Processes* / ed. by G. Calvert. Cambridge, London: MIT Press, 2004. 915 p.
- Jakobson R. *On Linguistic Aspects of Translation*. In: The Translation Studies Reader / ed. L. Venuti. London: Routledge, 2000. Pp. 113–118.
- Iwaszkiewicz J. *Sny. Ogrody. Sérénité*. Warszawa: Czytelnik, 1974. 124 s. (In Polish)
- Iwaszkiewicz J. *Dziedzictwo Chopina i inne szkice muzyczne*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2010. 445 s. (In Polish)
- Killander C., Lutas C.L. *A New Look on Ekphrasis: An Eye-tracking Experiment on a Cinematic Example*. In: Ekphrasis. Images, Cinema, Theatre/Media. 2014. 12 (2). Pp. 10–31.
- Klarer M. *Ekphrasis*. In: Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / ed. D. Herman. London: Routledge, 2005. Pp. 133–134.
- Steiner G. *The Poetry of Thought: From Hellenism to Celan*. New York: New Directions Publishing, 2012. 192 p.
- Translating Across Sensory and Linguistic Borders: Intersemiotic Journeys Between Media* / M. Campbell, R. Vidal (eds). Edinburgh; London: Palgrave Macmillan, 2018. 468 p.
- Translation Matters: Special Issue: Intersemiotic Translation and Multimodality* / ed. by Bennett K. 2019. Vol. 1, Iss. 2. 148 p.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

SCIENTIFIC EVENTS

УДК 811.1

DOI: 10.31249/perevod/2025.02.06

ЕПАРИНОВА Е.С. *

**XVI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕВОД. ЯЗЫК. КУЛЬТУРА»
(15–17 МАЯ 2025 г., САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)
[СООБЩЕНИЕ О НАУЧНОМ СОБЫТИИ]**

Аннотация. 15–17 мая на факультете иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина состоялась XVI Международная научно-практическая конференция «ПЕРЕВОД. ЯЗЫК. КУЛЬТУРА», приуроченная к 20-летию кафедры лингвистики и перевода.

Ключевые слова: перевод; язык; культура; коммуникация; образование.

Для цитирования: Епаринаова Е.С. XVI Международная научно-практическая конференция «Перевод. Язык. Культура» (15–17 мая 2025 г., Санкт-Петербург) [Сообщение о научном событии] // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 2. – С. 65–69. – DOI: 10.31249/perevod/2025.02.06

EPARINOVA E.S. **

**THE XVIth INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«TRANSLATION. LANGUAGE. CULTURE»
(MAY, 15–17, 2025, SAINT-PETERBURG)
[A REPORT ON A SCIENTIFIC EVENT]**

Abstract. On May 15–17, Pushkin Leningrad State University hosted the XVI international scientific conference «TRANSLATION. LANGUAGE. CULTURE», dedicated to the XXth anniversary of the Department of Linguistics and Translation.

* **Епаринаова Екатерина Сергеевна** – кандидат филологических наук, заместитель декана по научной работе, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина; katya.eparinova@mail.ru

© Епаринаова Е.С., 2025

** **Епаринаова Е.С.** – PhD (Philology), Deputy Dean for Research, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics of the A.S. Pushkin Leningrad State University; katya.eparinova@mail.ru

Keywords: translation; language; culture; communication; education.

For citation: Eparinova E.S. The XVIth International Scientific Conference «TRANSLATION. LANGUAGE. CULTURE» (May, 15–17, 2025, Saint-Peterburg) [A Report on a Scientific Event] // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 2. – P. 65–69. DOI: 10.31249/perevod/2025.02.06

В XVI Международной научно-практической конференции «Перевод. Язык. Культура», которая прошла в Ленинградском государственном университете им. А.С. Пушкина в мае, в очной и заочной форме приняли участие свыше 120 представителей регионов России, представители вузовского и академического сообщества Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Архангельска, Нижнего Новгорода, Пятигорска, Красноярска, Калининграда, Челябинска, Краснодар, Перми, Сургута и др., а также Беларуси, Германии, Казахстана и Турции.

В ходе конференции были рассмотрены ключевые вопросы теории перевода, лингвистики, коммуникации, образования, проанализированы проблемы и перспективы развития в этих областях. Программой конференции была предусмотрена студенческая секция, посвященная взаимодействию человека и цифровых технологий.

На конференции были представлены доклады, посвященные различным аспектам перевода, в частности, передаче художественных образов и стилистических особенностей при переводе поэтических текстов, вопросам сохранения ритма, рифмы и эмоциональной окраски оригинала, что предопределяет необходимость точного понимания значений единиц как исходного, так и языка перевода. Были рассмотрены вопросы передачи коммуникативных намерений автора при переводе текстов различных функциональных стилей, особенности сохранения прагматического эффекта оригинала при переводе научных, деловых и художественных текстов; проанализированы трудности, возникающие при переводе аббревиатур и специальных терминов в официальных документах. Кроме того, докладчики обсудили специфику перевода исторических и литературных текстов, а также вопросы, связанные с использованием архаизмов.

Различные аспекты этих проблем получили развитие в докладах, представленных как на нескольких секциях, так и на двух пленарных заседаниях, в частности, в докладах М.Р. Желтухиной «Проблемы информационной безопасности: воздействие в медиадискурсе», Л.В. Куликовой «Методология межкультурной коммуникации в новой парадигме: Quo vadis», Е.В. Малышевой и К.С. Теряник «Снятие когнитивных трудностей на разных этапах обучения иностранным языкам: от школы к вузу», Т.В. Якушкиной «О языке “Книги песен” Петрарки в контексте русских переводов последних лет».

В.Ю. Клейменова в докладе «Свой как чужой: родной язык в инокультурной среде» проанализировала специфику функционирования и социальную роль родного языка в полиязычной среде на материале текста

нон-фикшен, выявив пять функций родного языка в поликультурном и полиязыковом обществе современных Соединенных Штатов.

Н.М. Нестерова в докладе «Феномен перевода в свете теории культурного трансфера М. Эспаня» отметила, что современное переводоведение представляет собой междисциплинарную науку, интегрирующую в подходе к изучению феномена перевода исследования разных наук. Одной из новых теорий, которая сегодня начинает активно встраиваться в современную науку о переводе, является теория культурного трансфера, появившаяся в 80-е годы прошлого столетия во Франции. Возникнув в контексте истории литературы, в настоящее время она стала уже общегуманитарной и может стать новым этапом в осмыслении феномена перевода.

В ходе двухдневной работы секции «Язык – культура – текст в межъязыковом переводе» были представлены доклады, посвященные вопросам перевода. Так, А.Ю. Аристов в сообщении «Поэтизмы как переводческая трудность» описал два подхода к определению поэтизма и выявил особенности функционирования поэтизмов в художественном тексте. На примере перевода поздних романов У. Морриса А.Ю. Аристов провел анализ приемов поэтизации художественной прозы, показав, что стиль поэтизированного текста сформирован за счет контаминации явлений разных языковых уровней.

М.Б. Раренко в докладе «Коммуникативные стратегии и проблемы их сохранения в переводе» показала, что данным стратегиям практически никогда не уделяется внимание в аспекте изучения перевода. Рассмотренные стратегии являются национально обусловленными и различаются даже у использующих один и тот же язык наций (как европейских, так и др.). Автор проанализировала, каким изменениям подвергаются (если подвергаются) коммуникативные стратегии в переводе на материале текстов современной художественной литературы.

А.С. Алексеева в исследовании «С польского на рутенский: о языке одной повести из “Римских Деяний”» описала «Приклад» о чернокнижнике и рыцаревой жене, который входит в цикл переводных повестей, известных под названием «Римские Деяния», установив, что язык перевода можно охарактеризовать как гибридный: церковнославянизмов больше в области фонетики и морфологии, а рутенизмов (полонизмов) – в области лексики.

Н.В. Кукина в сообщении «Проблемы перевода немецких аббревиатур-документонимов на русский язык» показала, что перевод данных единиц связан с целым рядом трудностей, таких как: разветвленность законодательной сети Германии, затрудняющая поиск расшифровки сокращений; особенности словосложения в немецком языке (постпозиция основного слова); наличие в расшифровке безэквивалентной лексики (реалий); возникновение омонимии; синонимия и вариация сокращений; расхождение в деловом этикете; наличие компонентов-заимствований и гибридизация;

значительное число специальных терминов. Автор представила возможности решения данных проблем.

Э.Г. Мхитарьянц в докладе «Особенности предпереводческого анализа немецкоязычного юридического дискурса» описала экстра- и интралингвистические особенности этой разновидности дискурса. Отмечена необходимость обращения к лингвистическому анализу языка права, обусловленная тем, что общественная и правовая дееспособность непосредственно связана с лингвистическим выражением правоотношений.

В.В. Дацюк в сообщении «Грамматические трудности французского медицинского перевода» проанализировала грамматические особенности французских медицинских текстов, а также показала затруднения, с которыми может столкнуться переводчик при передаче текстов медицинской тематики с французского языка на русский с учетом разницы в грамматическом строе данных языков. Автор предложила классификацию грамматических особенностей перевода французского медицинского текста, основанную на грамматических различиях языков.

Во второй день работы секции был представлен доклад И.Г. Серовой, И.А. Лаврентьева «Языковая картина мира народа фрименов в русскоязычных переводах романа “Дюна” Ф. Герберта». Был проведен сравнительный анализ переводов фрименских терминов и имен собственных в русскоязычных версиях романа «Дюна», выполненных А. Новым и П. Вязниковым. Авторы исследовали два подхода к передаче фрименских реалий: подход А. Нового, ориентированный на реконструкцию терминов, и подход В. Вязникова, основанный на сохранении максимальной близости к оригиналу.

Л.В. Стахова и В.Д. Кайсаканова в докладе «Стратегии культурной адаптации фильма при аудиовизуальном переводе» рассмотрели на материале слов с временным значением различные лингвистические факторы, оказывающие влияние на фразеологическую активность слова.

М.Т. Азиева и И.А. Курбанов в доклад «Проявление национально-культурной специфики фитофразеологизмов русского, английского и немецкого языков в переводе» рассмотрели основные способы и приемы перевода фитофразеологизмов с исходного языка на язык перевода с учетом их национально-культурной специфики.

С.В. Станевич и И.Г. Назарова в доклад «Д.Г. Лоуренс “Баварские горечавки”: переводческие решения с учетом истории создания стихотворения» проанализировали произведение поэта-модерниста начала XX в., рассмотрев форму и содержание стихотворения в контексте истории его создания и эпохи модерна, предложив собственный перевод стихотворения с учетом указанных особенностей произведения.

На секции «Современные когнитивно-дискурсивные исследования» Е.Н. Корзова представила доклад «Особенности речевой интерференции в англоязычном библейском тексте», рассмотрев текст «Деяния святых апостолов» в качестве конституирующего элемента нарративного дискурса.

Текст книги определяется автором как повествование и исследуется в аспекте пересечения собственно повествования и речевой деятельности персонажей. Е.Н. Корзова отметила, что интерференция как явление взаимодействия речей нарратора и персонажа реализуется в «Деяниях...» разнообразными видами речи: повествовательной, прямой, косвенной, несобственно-прямой. Полученные результаты показали, что контаминация различных композиционно-речевых структур является отличительной чертой данного библейского текста и выполняет важную роль при создании достоверного повествования, представленного в произведении.

Е.О. Опарина в докладе «Категории культуры в политическом дискурсе (мифы, ритуалы, понятие трикстера)» описала предвыборную, победную и инаугурационную речи 47-го президента США Д. Трампа через анализ данных дискурсивных элементов в речах. В центре внимания – языковые средства формирования «мифа Трампа» как героя, особенности его речи и поведения в ритуале инаугурации, а также характеристики Д. Трампа как трикстера.

Конференция стала площадкой для открытого диалога, сотрудничества и укрепления связей между участниками. По итогам конференции планируется издание сборника.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ И ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

REQUIREMENTS FOR THE AUTHORS AND THEIR ARTICLES

В журнале «Актуальные вопросы теории и практики перевода» публикуются научные статьи, обзоры, рецензии, сообщения о научных событиях. Отдельный раздел посвящен ретروпубликациям.

К публикации в журнале приглашаются авторы, имеющие законченное профильное (лингвистическое) образование не ниже магистратуры (специалитета), аспиранты, кандидаты и доктора наук.

Первоначально все поступившие в редакцию рукописи обсуждаются редколлегией журнала. После этого признанные соответствующими требованиям журнала (по оформлению, профилю журнала и пр.) рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование с целью экспертной оценки и проверку на плагиат. Окончательное решение о публикации принимается на заседании редакции. В случае отказа принять рукопись к публикации редколлегия сообщает об этом автору. Срок рассмотрения рукописей редакцией и рецензентами занимает не более 90 дней со дня поступления рукописи в редакцию. Публикация статьи занимает не более 1 года.

Передавая рукопись в редакцию, автор подтверждает, что текст ранее не публиковался и не находится на рассмотрении в другом издании.

Публикации в журнале бесплатны для авторов.

Общие требования к оформлению рукописей

Рукописи принимаются в электронном виде в формате .doc или .docx. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта (в том числе в сносках) – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5, отступ – 1 см.

Авторы должны указать свои фамилию, имя и отчество (полностью), место своей работы, должность и адрес электронной почты. Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Статья должна иметь четкую структуру, в ней должны быть выделены: введение, основная часть, при необходимости включающая в себя несколько разделов, а также заключение (выводы).

Объем рукописей (с учетом всех элементов текста):

- статьи и обзоры – не более 40 тыс. знаков (с пробелами);
- рецензии – не более 25 тыс. знаков (с пробелами);
- сообщения о научных событиях – не более 50 тыс. знаков (с пробелами).

Требования к оформлению рукописей статей, обзоров и рецензий

Статьи, обзоры, рецензии и сообщения о научных событиях обязательно должны включать УДК, аннотации (объемом около 500 печатных знаков (с пробелами) на русском и английском языках), а также 4–10 ключевых слов / словосочетаний, разделенных точкой с запятой, на русском и английском языках.

ОФОРМЛЕНИЕ ССЫЛОК НА ЛИТЕРАТУРУ В ТЕКСТЕ СТАТЕЙ

Ссылки на литературу приводятся в тексте в квадратных скобках. В обязательном порядке указывается фамилия автора и через запятую – год: [Степанов, 1998] или [Andersen, 2012].

Если в тексте приводится **цитата** или дается отсылка на какой-то определенный фрагмент в объемной работе, указывается страница (страницы), также через запятую:

[Шмелев, 2014, с. 37] или [Andersen, 2012, p. 12].

Если **авторов упоминаемой работы 2 или 3**, то фамилии приводятся через запятую:

[Lyse, Andersen, 2012].

Если ссылка дается на **работы одного автора, вышедшие в разные годы**, между номерами годов ставится запятая:

[Даль, 1989, 2004].

Если 2 или более работ одного автора / авторов **вышли в один год**, к году добавляются буквенные обозначения – а; б; в или а; b; c.

[Johnson, 1986 a, 1986 b]

В одной ссылке на несколько работ разных авторов между работами ставится; [Апресян, 1995; Арутюнова, 2002].

В ссылке на сборник или на коллективную монографию желательно привести название сборника / монографии – полностью. Если же название длинное, указываются начальные слова и далее год и при необходимости страницы

[Библиографический указатель литературы по языкознанию ..., 1958].

**Пример введения сокращенных наименований работ
в тексте при первом упоминании**

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» (ФСРЯ) авторы составляли словник, опираясь на теорию... [ФСРЯ, 2020].

**ОФОРМЛЕНИЕ ПРИМЕРОВ И ЦИТАТ
В ТЕКСТЕ СТАТЕЙ**

1) В статье **примеры** и **цитаты** на русском языке даются в кавычках прямым шрифтом.

Примеры на иностранных языках приводятся без кавычек, но курсивом, с переводом на русский язык.

Пример оформления:

Существительное *article* в значении «изделие» употребляется в данном случае в роли подлежащего.

2) Цитаты на иностранных языках также приводятся в кавычках, курсивом, с последующим переводом.

Если перевод приводится по какому-либо источнику, указывается источник (У. Шекспир, «Гамлет», пер. Б.Л. Пастернака).

Если перевод принадлежит автору статьи, то в круглых скобках следует указать инициалы автора (пер. наш. – *И.И.*).

Пример оформления:

Торо пишет: “*When I wrote the following pages, or rather the bulk of them, I lived alone, in the woods, a mile from any neighbor, in a house which I had built myself, on the shore of Walden Pond, in Concord, Massachusetts, and earned my living by the labor of my hands only*”. – «Когда я писал следующие страницы, или, вернее, большую их часть, я жил один, в лесу, в миле от соседей, в доме, который построил сам, на берегу Уолденского пруда в Конкорде, штат Массачусетс, и зарабатывал на жизнь исключительно трудом своих рук» [указать автора, год, страницы] (пер. наш. – *И.И.*).

3) Иноязычные термины при первом их употреблении в статье приводятся на языке оригинала курсивом, без кавычек, при необходимости с переводом в кавычках и в круглых скобках:

Пример оформления:

В англоязычном переводоведческом дискурсе данный вид перевода известен как *community translation* (букв. «коммунальный перевод»).

ОФОРМЛЕНИЕ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Просим обратить внимание! В пояснительной (технической) части библиографического описания книги, журнала и т.п. двоеточие отделяется пробелами с двух сторон. Внутри названия двоеточие не отбивается. Это введенное относительно недавно правило считается обязательным.

Иванов А.И. Русская архитектура: исторические аспекты : монография : в 2 т. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – Т. 1. – 672 с.; Т. 2. – 576 с.

Оформление монографий

Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и иноязычной культурах: принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. – Москва : ЛЕНАНД, 2022. – 240 с.

McEney T.A., Wilson A. Corpus Linguistics. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2001. – VII, 253 p.

Оформление коллективных монографий

Русская лексикология: история и современное состояние / Иванов Н.С., Свиридов П.Р., Бондаренко Н.В., Егоров А.Б. и др.; гл. ред. Иванов Н.С. – Москва : Наука, 1999. – 650 с.

!!! Если авторов не больше 3, их фамилии пишутся в начале описания.

Если больше – после названия за косой чертой; указываются фамилии и инициалы 4 авторов.

Описание монографии или сборника никогда не начинается с фамилии редактора, в том числе при описании зарубежных изданий. Сборники описываются через их название!

Оформление сборников

Мышление и язык / под ред. Д.П. Горского. – Москва : Гос. издательство полит. литературы, 1957. – 48 с.

Оформление статей

Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики / отв. ред. С.К. Шаумян; АН СССР. Ин-т русского языка. – Москва : Наука, 1968. – С. 13–125.

Топорков А.Л. Солнце // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – Москва : Международные отношения, 2011. – С. 442–443.

Оформление статей из журналов

Lyse G.I., Andersen G. Collocations and Statistical Analysis of N-Grams // Exploring Newspaper Language: Using the Web to Create and Investigate a Large Corpus of Modern Norwegian. – 2012. – Vol. 49. – P. 79–80.

Если в журнале двойная нумерация, номера приводятся через запятую:

– Т. 4, № 1. – С. 14–22.

– Или Vol. 20, N 2 / 3. – P. 44–57.

– Или Т. 3, Bd 5. – S. 77–92. (для немецкого языка)

Потапова Р.К., Потапов В.В. Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2023. – Т. 82, № 2 – С. 78–91.

Bernissan F. Combien de Locuteurs Compte l'Occitan en 2012? // Revue de Linguistique Romane. – 2012. – N 303 / 304. – P. 467–512.

Оформление многотомных изданий и глав или частей из многотомных изданий

Петров И.И. Полное собрание сочинений : в 7 т. – Санкт-Петербург : Изд-во Академии наук, 1977–1980.

Петров И.И. Название произведения или работы // *Петров И.И.* Полное собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Изд-во Академии наук, 1979. – Т. 5. – С. 12–100.

Оформление диссертаций и авторефератов

Павлова Н.Т. Название диссертации : дис. / автореф. дис. ... канд. / д-ра филол. наук / Наименование организации. – Москва, 2012. – 25 с.

Сокращения в списке литературы

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. : в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск : Наука. Сибирское отд-ние, 1991. – Т. 1 : А – Н. – 340 с.

Оформление электронных ресурсов

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 04.08.2022).

Versia.ru – URL: <https://versia.ru/rossiyane-reshili-sn0va-it-po-chyornomu> (дата обращения: 01.03.2024).

Ссылки на документы, конституции, своды законов приводятся в сносках в конце страниц, со ссылками на интернет и указанием даты обращения.

ОФОРМЛЕНИЕ REFERENCES

В этом разделе должны быть отражены **все** источники, представленные в Списке литературы.

Источники располагаются в порядке упоминания в Списке литературы.

В описании должны присутствовать:

- 1) фамилия автора (авторов) **латиницей**;
- 2) перевод источника **на английский язык** (если источник на русском или на одном из восточных языков, не использующих латиницу). Работы на языках, использующих латиницу, даются в оригинале;
- 3) для статьи – название журнала или сборника, монографии, которые вводятся через **In** ;
- 4) место издания и издательство, год, количество страниц – для книги и границы – для статьи.

Место издания и издательство транслитерируются, исключение составляют Moscow, Saint Petersburg, Nauka. Но: Tver', Nizhny Novgorod.

Внимание!

Тире в описаниях References, в отличие от Списка литературы, **не ставятся. Пробелы** перед двоеточиями **отсутствуют**.

Пример оформления монографии

Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhilina E.V. *Guide to Discursive Words of the Russian Language*. Moscow: Pomovsky i Partnery, 1993. 207 p. (in Russian)

Пример оформления сборника

Grammar of the Modern Russian Literary Language / ed. by N.Y. Shvedova. Moscow: Nauka, 1970. 767 p. (In Russian)

Пример оформления статьи из сборника или коллективной монографии

Starodumova E.A. *On the Sources of the "Particle Abundance" of the Russian Language*. In: *Selected Works: Description of the Russian Particles, Dictionary Entries, Syntax of Fiction*. Vladivostok: Marine State University, 2011. Pp. 139–149. (In Russian)

Пример оформления статьи из журнала

Rarenko M.B. *Community Interpreting vs Social Translation*. In: *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018. N 2 (791). Pp. 160–168. (In Russian)

Обратите внимание: при двойной нумерации тома, номера и выпуски указываются через запятую, как и в основном списке литературы: N 4, Iss. 2; или: Vol. 12, N 4.

Если авторов монографии или статьи больше трех, то описание дается на название, авторы (максимум четверо) указываются после названия за косой чертой, как в следующем примере:

Russian Lexicology: History and Modern State / Ivanov N.S., Sviridov P.R., Bondarenko N.V., Yegorov A.B. et al. / ed. N.S. Ivanov. Moscow: Nauka 1999. 650 p. (In Russian)

При описании главы из монографии, в том числе коллективной, или сборника, **номер главы или части указывается перед страницами:**

Serova N. *Stylistics of Net Communication*. In: *Media Communication* / ed. by L.S. Petrov Moscow: Nauka, 2012. Ch. 2. Pp. 30–48. (In Russian)

Обратите внимание, что **важны все элементы оформления**, в том числе знаки препинания.

Обратите внимание, что:

1) название в References приводятся курсивом, фамилии авторов без курсива;

2) при указании на границы статей или глав принято сокращение: Рр. 139–149, при указании на общее количество страниц: 257 p.; 340 S.

3) пометы (in Russian), (in Chinese) обязательны, без последующей точки.

Порядок следования элементов в References также важен. Определенный том многотомного издания, глава в монографии, часть статьи, помещенной в журнале – пишутся после года перед страницами, как и в основном списке.

Описание никогда не начинается с фамилии издателя – как в Списке литературы, так и в References. На первом месте указывается фамилия автора или авторов или же название коллективной монографии.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

№ 2 – 2025

Оформление обложки
Д.А. Курушина, Э.А. Седых
Корректура и компьютерная верстка
К.Л. Синякова

Подписано в свет 28 / XI – 2025 г.
Формат 70×100/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 6,4 Уч.-изд. л. 4,3
Тираж 900 экз.

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
информационных изданий
Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к.6